

29901.

S. Trumbull

12

2. Popovs

1871

29901.

Образование, 1908 I
К

Л. Турнеовичъ.

85747

Движеніе чиновничьяго пролетаріата во Франціи.

Послѣдней новинкой французской общественной жизни являются чиновничьи синдикаты. Вполнѣ понятно, то они сосредоточиваютъ на себѣ общественное вниманіе. Во всѣ времена и при всѣхъ режимахъ правительства старались имѣть въ лицѣ чиновниковъ дисциплинированную и послушную гражданскую армію. Это казалось настолько естественнымъ и съ этимъ настолько свыклись, что еще сравнительно очень недавно, въ 1897 г., одинъ французскій министръ, Рамбо, могъ съ полной увѣренностью и не вызывая особенныхъ протестовъ заявить, что „нельзя представить себѣ, чтобы чиновники могли коализироваться для взаимной защиты и сопротивляться болѣе или менѣе открыто государственной власти при выполненіи ими своихъ функцій“ ¹⁾. И даже теперь, когда невозможное стало фактомъ, когда правительство принуждено считаться съ нимъ и готово до извѣстной степени признать его, даже теперь въ правительственныхъ кругахъ раздаются подобныя рѣчи. Чиновники синдикируются, примыкаютъ къ рабочему движенію,—да вѣдь это конецъ власти, „организованная анархія“, какъ выразился другой французскій министръ, Споллеръ ²⁾.

Но фактъ остается фактомъ, и синдикальное движеніе административнаго пролетаріата, какъ въ свое время движеніе промышленнаго пролетаріата, заставляетъ подвергнуть пересмотру многія установившіяся понятія, какъ о государственной власти, общественныхъ функціяхъ, правахъ и обязанностяхъ чиновниковъ. Въ книгахъ, въ прессѣ, на собраніяхъ, въ парламентѣ—повсюду за послѣднее время обсуждаютъ вопросъ о чиновничьихъ синдикатахъ, вызывающій наиболѣе жаркіе дебаты и наиболѣе волнующій общество.

Что это за синдикальное движеніе административнаго пролетаріата,

¹⁾ Цит. по книгѣ Maxime Leroy. *Les transformations de la puissance publique*. Paris, 1907, стр. 208.

²⁾ Ibid. стр. 243.

Библиотека ИИФ СССР

Это не даромъ.

Торжество побѣдителей, просто, оказывается трезной.

Мы не отвѣтили еще на одинъ вопросъ, теперь злободневный. Отчего же ихъ прежде не слышали и не слушали, а теперь пошла мода на извращенность, отчего въ такомъ ходу „настоящій новый человѣкъ“?

Оттого, что произошелъ огромный „сдвигъ“ въ русской жизни. Оттого, что теперь оттѣснены на задній планъ массы и выдвинулись, какъ и въ Думѣ, такъ и въ жизни буржуазно-помѣщичьи элементы, выдвинулись новый читатель и новый писатель.

Уже слышался топотъ Ильи Муромца, разметаваго „кіевскія роскошества“. Грохотъ копытъ, пробивавшихъ мертвую тьму, уже раздавался, какъ гулъ нарастающихъ грозъ... И этотъ грохотъ слышалъ и Бальмонтъ, слагавшій „Пѣсни мстителя“, и Ѳ. Соллогубъ, писавшій яркіе и сильные стихи „Къ Родивѣ“, и В. Брюсовъ, поднимавшій свой кинжалъ, „елва раскинулись огнистыя знамена“...

Теперь Илья Муромецъ на своемъ богатырскомъ конѣ пріостановился... Примолкаетъ на время гулъ нарастающихъ грозъ. И мы видимъ, какъ вновь готовится пиръ, вновь собираются „кіевскія роскошества“, вновь поднимаютъ свои лысыя головы качливые щеголи и съѣзжаются на нечестенъ пиръ другіе... Смотрите... Вотъ, повернувшись спиною къ Землѣ—невѣстѣ Ильи Муромца—скачетъ другой всадникъ на конѣ изъ пожарной команды..., въ новой формѣ съ нагайкой въ рукахъ...

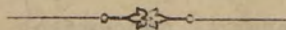
Онъ „намѣренъ постоять за порядокъ“...

Это—не Илья Муромецъ... Это покуда... „Конный стражникъ“.

О триумфальномъ въѣздѣ этого всадника крайняго индивидуализма мы поговоримъ въ слѣдующей книгѣ.

В. Львовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

жакъ оно возникло, какъ развилось, къ чему оно стремится, какое имѣетъ соціальное значеніе,—вотъ вопросы, на которые мы желаемъ дать посильный отвѣтъ въ настоящей статьѣ, полагая, что они представляютъ значительный интересъ и для русской публики.

I.

Самой силой вещей современное государство принуждено чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширять кругъ своей дѣятельности, и благодаря этому число людей, зависящихъ отъ него въ самыхъ источникахъ своего существованія или, какъ принято выражаться, находящихся у него на службѣ, постоянно все увеличивается. Кромѣ судебной, военной и полицейской функцій, уже съ очень давнихъ поръ выполняемыхъ государствомъ, оно постепенно забираетъ въ свои руки дѣло народнаго образованія, пути и средства сообщенія (железныя дороги, почта, телеграфъ, телефонъ) и цѣлыя крупныя отрасли промышленности и торговли, удовлетворяющія тѣмъ или инымъ обще-народнымъ потребностямъ и монополизирюемая имъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, увеличенія своихъ доходовъ. Но было бы ошибочно думать, что, увеличивая неизмѣнно штатъ своихъ служащихъ, оно этимъ постоянно усиливаетъ бюрократическую армію, являющуюся его гражданскимъ оплотомъ. Послѣдняя усиливается лишь настолько, насколько современное государство усиливается, какъ полицейско-военная и судебная организація или, что то же, какъ организація господствующей буржуазіи, какъ организація классового гнета. Можно также сказать, что оно вынуждено все больше и больше отдаваться промышленно-торговой дѣятельности для удовлетворенія, главнымъ образомъ, классовыхъ же потребностей своихъ, такъ какъ расходы его по самозащитѣ постоянно растутъ и ему приходится изыскивать средства существованія внѣ налогового обложенія трудящейся народной массы. Но своей торгово-промышленной дѣятельностью оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, подрываетъ свои основы, организуетъ противъ себя экономическія и человѣческія силы. Становясь предпринимателемъ, оно невольно и неизбѣжно подчиняется общему закону буржуазно-капиталистическаго хозяйства, состоящему въ томъ, что самимъ процессомъ своего развитія капитализмъ готовитъ свою гибель. Являясь организаціей куда болѣе могущественной, чѣмъ какая-либо частно-предпринимательская, и кромѣ того, находясь чаще всего въ своихъ предприятияхъ внѣ конкуренціи, государство можетъ дольше удерживать своихъ рабочихъ и служащихъ въ подчиненіи, можетъ больше препятствовать ихъ организаціонной дѣятельности, можетъ съ большимъ авторитетомъ ставить имъ условія и, до известной степени, лучше даже обезпечить ихъ трудъ. Оно пользуется всегда той фикціей, что у него якобы нѣтъ интересовъ, не совпадающихъ съ интересами націи, и говоритъ и дѣйствуетъ всегда

отъ имени послѣдней. А это какъ-никакъ до поры до времени импонируетъ его подчиненнымъ, чувствующимъ себя какъ будто особенной, нѣсколько привилегированной категоріей трудящихся, особенно если они заняты въ такихъ учрежденіяхъ, какъ почта, таможня, школа. Но это только до поры, до времени.

По мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ, занятый въ частныхъ предпріятіяхъ, промышленныхъ или торговыхъ, организуется, объединяется, борется за улучшеніе своего положенія, проникается великимъ идеаломъ социализма, идея рабочаго класса проникаетъ также и въ среду пролетаріата, работающаго въ государственныхъ предпріятіяхъ или учрежденіяхъ. Разумѣется, равнѣе всего „заражаются“ тѣ элементы его, которые стоятъ всего ближе къ общей рабочей массѣ, живутъ вмѣстѣ съ ней и наиболѣе подвержены ея вліянію, т. е. простые рабочіе, занимаемые государствомъ на его фабрикахъ и заводахъ, въ арсеналахъ, напр., на литейныхъ заводахъ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Движеніе неизбѣжно охватываетъ затѣмъ низшій персоналъ и такихъ исключительныхъ учрежденій, какъ почта, телеграфъ, желѣзныя дороги. Расширяясь все, оно обнимаетъ постепенно и такіе элементы государственныхъ или муниципальныхъ служащихъ, которые въ большей или меньшей степени могутъ быть названы административнымъ или чиновничьимъ пролетаріатомъ, но которые не выполняютъ ни полицейскихъ, ни военныхъ, ни судебныхъ функцій, какъ, напр., учителя, почтово-телеграфныя чиновники, таможенные служащіе и т. д.

Движеніе это въ корнѣ подрываетъ ложное понятіе о государствѣ, какъ о надклассовомъ учрежденіи, какъ о выразителѣ и охранителѣ лишь обще-національныхъ интересовъ. Оно въ представленіи самихъ подчиненныхъ государства, тѣхъ, отъ которыхъ послѣднее требуетъ наибольшей преданности, разрушаетъ тѣ фикціи, которыя создались вокругъ идеи о государствѣ и послѣднее, въ самомъ своемъ отношеніи къ этому движенію, вынуждено обнаружить съ большей ясностью свой буржуазный характеръ. И въ великой борьбѣ, которую въ средѣ каждаго государства пролетаріатъ ведетъ противъ господствующей буржуазіи, элементы, служащіе государству главнымъ образомъ, какъ силы производительныя, обеспечивающія функционированіе наиболѣе полезныхъ для всей націи учрежденій, становятся на сторону пролетаріата, чтобы вмѣстѣ съ нимъ создать такой государственный порядокъ, который удовлетворялъ бы интересамъ нынѣ обездоленнаго большинства.

Подъ вліяніемъ этого движенія масса лицъ, служащихъ въ различныхъ государственныхъ вѣдомствахъ, дифференцируется, и изъ нея постепенно выдѣляются въ особую категорію чисто-бюрократическіе элементы, занятія и функціи которыхъ состоятъ въ охранѣ буржуазно-капиталистическаго строя, или которые, не имѣя даже такихъ функцій, сознаютъ всю бесполезность своихъ занятій, весь паразитизмъ свой или пользуются

достаточными окладами и достаточнымъ вниманіемъ со стороны своего патрона—государства, чтобы относиться къ нему съ признательностью и оставаться вѣрнымъ ему.

Движеніе это, кромѣ того, измѣняетъ издавна установившіеся административные нравы, убиваетъ господствовавшій до недавняго времени въ государственныхъ учрежденіяхъ бюрократическо-кастовый духъ, уничтожаетъ ту чисто-бюрократическую дисциплину, которую не надо смѣшивать съ необходимой *дѣловой* дисциплиной, развиваемой, наоборотъ, синдикальнымъ движеніемъ, такъ какъ, организуясь, пріобрѣтая силу для проявленія своей воли, для изученія своего положенія, для увеличенія своего вліянія на ходъ самаго выполняемаго ими дѣла, государственные рабочіе и служащіе берутъ тѣмъ самымъ на себя значительную часть отвѣтственности, падавшей раньше на вышихъ представителей власти, и невольно больше заинтересовываются ввѣреннымъ имъ дѣломъ. Престижъ и роль централизованной власти, слѣдовательно, значительно умаляются этимъ синдикальнымъ движеніемъ государственныхъ служащихъ; ея авторитетъ и ея произволъ ограничиваются въ той же степени, въ какой синдикальное движеніе ограничиваетъ авторитетъ и произволъ частныхъ хозяевъ въ ихъ фабрикахъ и мастерскихъ. Широко распространяясь, административный синдикализмъ подготовляетъ такимъ образомъ возможность совершеннаго устраненія всемогущей, централизованной власти, какъ промышленный синдикализмъ подготовляетъ рамки для новой экономической организаціи, въ которой не будетъ больше ни эксплуатируемыхъ, ни эксплуатирующихъ.

И даже въ рядахъ изолируемой этимъ движеніемъ истинной бюрократіи, въ рядахъ чиновничества въ строгомъ смыслѣ этого слова, бюрократизмъ не сохраняетъ, не можетъ сохранить своей прежней чистоты. И сюда проникаетъ организаціонное начало, ослабляющее іерархическую дисциплину и дающее низшимъ агентамъ власти орудіе борьбы противъ произвола старшихъ. И здѣсь низшій персоналъ стремится стать въ договорныя отношенія къ государству, пріобрѣсть человѣческую и гражданскую независимость, перестать быть простыми органами—исполнителями приказывающей высшей власти.

II.

Во Франціи синдикальное движеніе государственныхъ рабочихъ и служащихъ развивалось въ томъ именно порядкѣ, какой мы указали выше. Оно началось снизу, среди промышленныхъ рабочихъ, занятыхъ въ государственныхъ предпріятіяхъ, и постепенно поднималось все выше, пока не охватило и такіе элементы, какъ учителя государственныхъ школъ, почтово-телеграфные чиновники и даже министерскіе служащіе. Разумѣется, чѣмъ больше оно распространялось, чѣмъ ближе оно подбиралось къ чисто-административному персоналу, тѣмъ больше сопротивленія ока-

звало ему государство, тѣмъ съ большей настойчивостью оно боролось противъ него.

Законъ, устанавливающій во Франціи право образовывать профессиональные союзы или *синдикаты*, былъ, какъ извѣстно, изданъ 21-го марта 1884 г. Но, по причинамъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться, французскіе рабочіе не особенно спѣшили воспользоваться имъ, тѣмъ болѣе, что хозяева всячески препятствовали имъ въ этомъ. Синдикальное движеніе, хотя оно существовало до закона 1884 г. и вызвало изданіе послѣдняго, не приняло особенно интенсивнаго характера непосредственно послѣ 1884 г. ¹⁾ Рабочихъ же, занятыхъ на государственныхъ предпріятіяхъ, оно коснулось куда позже, и имъ съ самаго начала пришлось выдержать упорную борьбу съ правительствомъ, нежелающимъ признать за ними право синдицироваться. Еще въ 1891 г., когда фактически среди нихъ еще не было такого движенія, министръ торговли, Жюль Рошъ, заявилъ съ высоты парламентской трибуны, что синдикаты государственныхъ служащихъ ни въ коемъ случаѣ недопустимы.

„Законъ о профессиональныхъ синдикатахъ,—сказалъ Рошъ,—далъ рабочимъ свободу союзовъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ имѣются налицо двоякаго рода частные интересы, съ одной стороны—хозяевъ, съ другой—рабочихъ, почему необходимо было дать и тѣмъ и другимъ право пользоваться своей естественной свободой для защиты своихъ интересовъ.

Государственные же служащіе имѣютъ передъ собой не частный, а общій, самый высокій интересъ, именно интересъ самого государства, представляемаго государственной властью, т. е. палатой депутатовъ и правительствомъ; отсюда слѣдуетъ, что если бы они могли пользоваться закономъ о профессиональныхъ синдикатахъ, то организованная ими борьба была бы направлена противъ самой націи, противъ общаго интереса страны, противъ національнаго авторитета“.

Замѣтимъ тутъ же, что въ законѣ 1884 г. нѣтъ ничего специально касающагося государственныхъ рабочихъ и служащихъ. Онъ позволяетъ свободно образовывать синдикаты лицамъ, „занимающимся одной и той же профессіей, однородными ремеслами, или связанными между собою профессіями“. Что же касается цѣли, преслѣдуемой синдикатами, то законъ

¹⁾ Въ моментъ изданія закона во Франціи было 500 синдикатовъ объединявшихъ, приблизительно 60.000 рабочихъ. (См. L. Barthou, *L'Action syndicale*, стр. 11). За послѣдующія шесть лѣтъ число синдикатовъ и участвующихъ въ нихъ рабочихъ лишь удвоилось: съ 1890 г. было 1.006 синдикатовъ съ 139.692 членами. За періодъ же отъ 1890 г. до 1900 г. число синдикатовъ возросло до 3.287, а число ихъ членовъ до 588, 832. Еще быстрѣе стало развиваться синдикальное движеніе послѣ 1900 г.: въ 1903 г. было уже 3.934 синдиката, объединявшихъ 643.657 рабочихъ а въ 1904 г.—4.227 синдикатовъ и 715.576 рабочихъ. (См. Charles Gide, *Économie sociale*, стр. 84—85).

ограничиваетъ ее „исключительно изученіемъ и защитой экономическихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и земледѣльческихъ интересовъ“. И такъ, гдѣ имѣются на-лицо профессиональные интересы, тамъ законъ, очевидно, допускаетъ образованіе синдикатовъ. Онъ не специфицируетъ родъ предпріятій, въ которыхъ рабочимъ и служащимъ позволено синдикироваться, и слѣдовательно, оставаясь на почвѣ закона, должно заключить, что синдикальное право распространяется какъ на частныя, такъ и государственныя или коммунальныя предпріятія, какъ на предпріятія, удовлетворяющія частнымъ потребностямъ, такъ и на такія, которыя удовлетворяютъ общимъ потребностямъ. И сопротивляясь образованію синдикатовъ среди подвѣдомственныхъ ему рабочихъ и служащихъ, правительство исходило не столько изъ этого закона, сколько изъ освященнаго вѣками принципа суверенности государства, стоящаго выше всѣхъ гражданъ, выше всякихъ частныхъ интересовъ и потому неотвѣтственнаго. Но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ молодыхъ французскихъ юристовъ, Эм. Леви, государство, становясь предпринимателемъ, „пріобрѣтая,—какъ онъ выражается,—преимущества собственности, беретъ тѣмъ на себя и обязанности и... перестаетъ быть сувереннымъ“¹⁾. Становясь предпринимателемъ, хозяиномъ, государство въ своихъ отношеніяхъ къ занимаемымъ имъ рабочимъ и служащимъ не можетъ ссылаться на свою суверенность, какъ органа власти. Вооружить рабочихъ, дать имъ орудіе для борьбы противъ частныхъ хозяевъ и компаній и оставить ихъ безоружными, безсильными, безправными подданными по отношенію къ наиболѣе могущественному хозяину, т. е. государству, предпріятія котораго являются къ тому же часто монопольными, можетъ ли быть болѣе вопіющая несправедливость?

Если бы законъ 1884 г., сказалъ Жюль Рошъ, распространялся на государственныхъ служащихъ, „то организованная ими борьба была бы направлена противъ самой націи, противъ общаго интереса страны, противъ національнаго авторитета“. Этотъ доводъ сталъ своего рода классическимъ и его неизмѣнно приводили и продолжаютъ еще приводить всѣ противники синдикальнаго права государственныхъ служащихъ, вплоть до нынѣшняго министра Бриана, еще такъ недавно проповѣдовавшаго рабочимъ всеобщую стачку²⁾. Но вѣдь онъ цѣликомъ основанъ на недоразумѣніи

¹⁾ Emmanuel Levy. *A propos de l'article de Paul Boncour*, Revue Socialiste, 1906, мартъ. Замѣтимъ тутъ кстати, что современная французская юриспруденція постепенно отказывается отъ догмата непогрѣшимости государства и начинаетъ допускать его отвѣтственность даже въ области его дѣйствій, какъ органа власти, подрывая такимъ образомъ его суверенитетъ въ самомъ правѣ. См. объ этомъ интересную статью J. Neubourg'a въ *Revue Socialiste* за іюнь 1906 г.

²⁾ Въ рѣчи, произнесенной Брианомъ въ палатѣ депутатовъ на засѣданіи 13-го мая 1907 г., онъ почти буквально повторилъ слова Роша: „Рабочій,—сказалъ онъ,—имѣетъ передъ собою частнаго человѣка; его част-

и является не больше, какъ наборомъ пышныхъ, громкихъ словъ. Если понимать „общій интересъ“ въ томъ смыслѣ, что государственныя предприятия удовлетворяютъ общимъ нуждамъ, то не имѣютъ ли такой же общій интересъ и разныя частныя предприятия, обеспечивающія само существованіе гражданъ? Если же общій интересъ этотъ заключается въ томъ, что условія найма или точнѣе—жалованье государственныхъ служащихъ определяется парламентомъ, выражающимъ общую волю и дѣйствующимъ лишь въ интересахъ всей страны, то почему вообще позволять гражданамъ устраивать разныя сообщества, синдикаты, въ томъ числѣ для того, чтобы добиться отмены такого-то закона или настоять на проведеніи той или другой реформы? Разъ парламентъ по существу своему можетъ руководствоваться *только* общими интересами, то бесполезно и даже вредно всякое постороннее воздѣйствіе на него гражданъ. Но государственныхъ служащихъ интересуетъ не только ихъ жалованье: разныя уставы, которымъ они обязаны подчиняться, вырабатываются въ канцеляріяхъ же, чисто административнымъ путемъ, и въ своей громадной массѣ имъ приходится часто терпѣть отъ произвола разныхъ бюрократовъ. Неужели же капризъ какого-нибудь помпадуръ больше выражаетъ „національный авторитетъ“, чѣмъ коллективная воля сотенъ и тысячъ служащихъ, трудъ которыхъ доставляетъ государству громадныя доходы и работой которыхъ движется вся государственная машина? Въ дѣйствительности, подъ пышными словами „національный авторитетъ“, „общій интересъ“ и т. д. скрывается не что иное, какъ ревнивое желаніе сохранить неприкосновеннымъ всемогущество централизованной власти, произволь правителей и удержатъ въ администраціи всѣ архаическіе нравы прошлыхъ времяя.

Насколько шатка почва „общихъ интересовъ“, которые противопоставляютъ синдикальному праву государственныхъ и муниципальныхъ рабочихъ и служащихъ, показываетъ конфликтъ, возникшій въ 1894 г. между железнодорожными служащими и правительствомъ изъ-за этого именно права. Отвѣчая въ парламентѣ на запросъ по этому поводу, тогдашній министръ общественныхъ работъ, Жюнарь, заявилъ: „Мы вполне признаемъ право синдицироваться за рабочими и служащими, которые не *commissionnés* (т. е. служатъ по вольному найму), но мы не признаемъ того же права за служащими *commissionnés*, жалованье которыхъ ежегодно устанавливается бюджетомъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ имѣтъ на лицо двухъ частныхъ интересовъ“. Надо знать, что разница между рабочими и служащими *commissionnés* и *non commissionnés* заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что первые являются болѣе постоян-

ный интересъ выступаетъ противъ частнаго же интереса“. Государственные служащіе „имѣютъ передъ собою представителей страны, т. е. саму націю. Ихъ борьба можетъ быть поэтому направлена только „противъ страны, противъ націи“. *Journal officiel*, 14 мая 1907 г.

нымъ элементомъ, чѣмъ вторые. Но и тѣ и другіе заняты тѣмъ же дѣломъ, работаютъ бокъ о бокъ и какимъ бы образомъ ни устанавливалось ихъ жалованье, получаютъ его изъ одного и того же источника—бюджетныхъ средствъ. Если, слѣдовательно, мнимые „общіе интересы“ или „національный авторитетъ“ не являются препятствіемъ для предоставленія синдикальнаго права однимъ, то они не могутъ быть препятствіемъ и для распространенія этого права на другихъ. Не соглашаясь на послѣднее, правительство просто-напросто дѣйствовало произвольно, не сообразуясь ни съ правомъ, ни съ логикой.

Палата депутатовъ стала на сторону рабочихъ, и, заявивъ въ своемъ *ordre du jour*, „что законъ 1884 г. распространяется одинаково на рабочихъ и служащихъ государственныхъ предпріятій, какъ и частныхъ промышленныхъ заведеній“, приглашала правительство „уважать законъ и облегчать его примѣненіе“¹⁾.

Съ того времени стали свободно существовать или образовываться синдикаты чисто-рабочихъ элементовъ, занятыхъ въ государственныхъ предпріятіяхъ или учрежденіяхъ, каковы синдикаты рабочихъ табачныхъ и спичечныхъ фабрикъ, оружейныхъ заводовъ и верфей, пороховыхъ заводовъ, казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, телефона и т. д. Но большей частью правительство лишь терпѣло эти синдикаты, относясь къ нимъ точь въ точь такъ, какъ большинство частныхъ предпринимателей и компаній, т. е. съ недовѣріемъ и затаенной злобой. Въ нѣкоторыхъ же вѣдомствахъ, какъ морское и военное, съ ними просто-напросто не считались, какъ если бы они совершенно не существовали.

Понадобилась та общая переменъ въ политикѣ, которая была вызвана дѣломъ Дрейфуса, для того, чтобы власти стали иначе относиться къ синдикатамъ подчиненныхъ имъ рабочихъ. Въ пережитомъ тогда Франціей кризисѣ республику спасъ, главнымъ образомъ, пролетаріатъ, и республиканская партія, благодаря его энергичной поддержкѣ вышедшая побѣдительницей въ борьбѣ съ коализованными силами реакціи, принуждена была въ большей степени считаться съ его стремленіями и требованіями. На очередь дня были поставлены нѣкоторыя, интересующія пролетаріатъ, реформы, какъ сокращеніе рабочаго дня, учрежденіе высшаго совѣта труда, введеніе рабочихъ пенсій, до сихъ поръ, впрочемъ, не введенныхъ и все лишь проектируемыхъ. Мильеранъ, министръ торговли въ кабинетѣ Вальдека-Руссо (1899—1902 гг.), издалъ нѣсколько декретовъ, касающихся договоровъ, заключаемыхъ государствомъ съ частными предпринимателями, обязывая послѣднихъ и администрацію считаться съ рабочими синдикатами, примѣнять установленный ими тарифъ заработной платы и т. д. Въ это же время (въ 1901 г.) военный министръ, гене-

1) Засѣданіе 22-го мая 1894 г.

ралъ Андре, издалъ по своему вѣдомству циркуляръ, въ которомъ онъ совѣтовалъ начальству входить въ сношеніе съ синдикатами рабочихъ, занятыхъ въ военномъ министерствѣ. Нѣсколько позже, въ октябрѣ 1902 г., министръ Пельтанъ обратился съ такимъ же циркуляромъ по морскому вѣдомству. „Я неоднократно убѣждался,—писалъ Пельтанъ въ этомъ циркулярѣ,—что мѣстныя власти морского министерства проявляютъ извѣстную нерѣшительность относительно сношеній, какія онѣ могутъ имѣть съ синдикатами гражданскихъ рабочихъ и служащихъ, ожидая оффиціального признанія этихъ синдикатовъ, точно бы въ настоящее время они были только терпимы. Уже давно былъ изданъ законъ, обезпечившій свободу синдикальныхъ ассоціацій и опредѣлившій условія, требуемыя для ихъ основанія. Всѣ тѣ изъ нихъ, которыя удовлетворяютъ этимъ условіямъ, имѣютъ право на законное существованіе и не нуждаются въ особомъ оффиціальномъ признаніи“ 1).

Тѣмъ временемъ синдикальное движеніе распространилось и на муниципальныхъ и коммунальныхъ рабочихъ. Чистильщики улицъ, городскіе садовники, больничные сторожа, рабочіе всякихъ муниципальныхъ предприятий, дорожные сторожа (*cantonniers*)—все слѣдовали примѣру промышленныхъ рабочихъ и объединялись въ профессиональныя ассоціаціи, чтобы общими силами отстаивать свои интересы. Отдѣльные синдикаты какъ государственныхъ, такъ и муниципальныхъ рабочихъ не замедлили федерироваться по занятіямъ, по департаментамъ и, наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ слились въ одну могущественную, обнимающую много тысячъ рабочихъ, федерацію, *Union des Travailleurs de l'Etat, des Départements, des Communes et des Services publics*.

Итакъ, синдикатъ, вопреки всѣмъ преградамъ, которыя ему ставили 2), проникъ все же въ среду государственныхъ и муниципальныхъ рабочихъ, и администрація въ концѣ концовъ принуждена была признать его и считаться съ нимъ. И въ этой средѣ синдикатъ оказался тѣмъ большей силой, что онъ объединилъ большинство занимаемыхъ государствомъ и муниципалитетами рабочихъ. Нечего говорить, что онъ оказалъ послѣднимъ громадныя услуги, какъ моральныя, такъ и матеріальныя. Изолированныя, они были безсильны передъ могущественной и тираннической администраціей; должны были безропотно переносить всякія несправедливости и оскорбленія:

1) Louis Barthou. *L' Action syndicale*, стр. 318.

2) Въ отчетѣ о четвертомъ съѣздѣ національнаго синдиката почтово-телеграфныхъ и телефонныхъ рабочихъ, состоявшемся въ 1904 г., я нахожу заявленіе секретаря синдиката, что послѣдній, наконецъ, оффиціально признанъ администраціей, до тѣхъ поръ лишь снисходительно терпѣвшей его. Синдикатъ же этотъ существуетъ съ декабря 1899 г. *Syndicat national des ouvriers des postes, télégraphes et téléphones*. 4-e congrès national, стр. 32.

объединившись, они сумѣли заставить администрацію считаться съ ними какъ съ людьми и гражданами, сумѣли укротить административный произволъ въ дѣлѣ перемѣщенія, увольненія и повышенія по службѣ, сумѣли, наконецъ, добиться значительныхъ улучшеній въ условіяхъ найма и труда.

III.

Несмотря на приведенное выше рѣшеніе палаты депутатовъ, несмотря на долгіе годы существованія ихъ и на официальное признаніе многихъ изъ нихъ, не всѣ синдикаты муниципальных и государственныхъ рабочихъ оказались вполне гарантированными въ своемъ существованіи. Такъ, когда въ 1903 г. синдикатъ парижскихъ *égoutiers*, т. е. рабочихъ городской канализаціи, возбудилъ судебное преслѣдованіе за клевету противъ реакціонной газеты *L'Éclair*, то исправительный судъ Парижа призналъ недопустимымъ такое преслѣдованіе на томъ основаніи, что синдикатъ этотъ *не имѣетъ законнаго существованія*, хотя онъ былъ основанъ еще въ 1887 г., принадлежалъ къ парижской Биржѣ Труда и неоднократно имѣлъ официальныя сношенія съ администраціей ¹⁾.

Въ томъ же 1903 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Комбъ, одинъ изъ наиболѣе демократическихъ министровъ третьей республики, основываясь на постановленіи своего коллеги, министра юстиціи, призналъ незаконными образовавшіеся синдикаты *cantonniers*, т. е. дорожныхъ сторожей. Последніе, писалъ онъ въ своемъ циркулярѣ, не могутъ воспользоваться закономъ 1884 г., „такъ какъ, по юриспруденціи Кассационной палаты (постановленіе 27 іюня 1885 г.) право образовывать синдикаты распространяется лишь на тѣхъ, которые или какъ хозяева или какъ рабочіе и вообще наемные служащіе принадлежатъ къ промышленности, къ земледѣлію или торговлѣ“ ²⁾. Толкуя, дѣйствительно, такимъ образомъ законъ 1884 г., кассационная палата отказала въ синдикальномъ правѣ докторамъ, какъ не принадлежащимъ къ указаннымъ категоріямъ. Но со времени этого рѣшенія палаты былъ изданъ спеціальныи законъ (1892 г.), разрѣшавшій синдицироваться докторамъ, дантистамъ и акушеркамъ, а палата депутатовъ признала, какъ мы видѣли, что законъ 1884 г. вполне примѣнимъ къ государственнымъ рабочимъ и служащимъ. Очевидно, что безъ спеціальнаго предубѣжденія правительство не могло, въ 1903 г., интерпретировать законъ въ томъ же узкомъ духѣ, противномъ не только смыслу, но и буквѣ закона, какъ Кассационная палата. И если правительство, примирившись

¹⁾ *Les syndicats des ouvriers égoutiers de la ville de Paris* par J. Larminier, Paris, 1905.

²⁾ См. этотъ циркуляръ и весьма обстоятельную критику въ статьѣ Поля Брике *La politique syndicale du Ministère Combes*, въ *Mouvement socialiste*, 15 мая 1903 г.

уже съ существованіемъ другихъ синдикатовъ, возстало противъ синдиката дорожныхъ сторожей, то это потому, что послѣднихъ оно, какъ, впрочемъ, и значительная часть публики, считаютъ почему-то менѣе рабочими и болѣе близкими къ настоящему чиновничеству, чѣмъ, напримѣръ, рабочихъ табачныхъ или спичечныхъ фабрикъ. Они, конечно, работаютъ, трудятся въ потѣ лица, ихъ то и дѣло видишь съ тачкой, граблями, лопатой и трудъ ихъ несомнѣнно очень полезенъ, но... они имѣютъ казенную квартиру, носятъ форменную шапку и этого достаточно, чтобы отдѣлить ихъ отъ арміи труда, требовать отъ нихъ покорности, лишить ихъ самостоятельности.

Повторяемъ, придирчивость правительства къ ихъ синдикату объясняется тѣмъ, что ихъ не причисляютъ къ вполнѣ рабочимъ элементамъ, не только въ своей работѣ, но и во всей своей внѣшности не отличающимся отъ всей рабочей массы. Послѣднимъ правительство уже какъ будто окончательно уступило, и никакое, хотя бы самое реакціонное министерство, не рѣшится, думаемъ, лишить теперь синдикального права рабочихъ табачныхъ фабрикъ, военныхъ мастерскихъ или арсеналовъ. Но правительство Франціи, раньше, какъ и теперь, упорно отказывается въ этомъ правѣ всѣмъ тѣмъ изъ государственныхъ рабочихъ и служащихъ, которыхъ на какомъ бы то ни было основаніи можно причислить къ администраціи, по отношенію къ которымъ могутъ возникнуть какія бы то ни было, хотя бы самыя ничтожныя, сомнѣнія относительно ихъ подлинно рабочаго характера или которыхъ можно хотя бы на формальномъ лишь основаніи, на основаніи какого-либо внѣшняго признака, отграничить отъ всей рабочей массы. Такъ, до сихъ поръ правительство не разрѣшаетъ синдикироваться почтальонамъ, телеграфистамъ, почтово-телеграфнымъ чиновникамъ, низшимъ таможеннымъ служащимъ, учителямъ начальныхъ школъ, мелкимъ служащимъ министерствъ,—однимъ словомъ всему многочисленному административному или чиновничьему пролетаріату, многія категоріи котораго несомнѣнно болѣе обездолены, терпятъ большую нужду, чѣмъ промышленные рабочіе, хотя и выполняютъ столь же трудную и столь же полезную работу, какъ послѣдніе. Правительство, какъ мы увидимъ ниже, ссылается при этомъ на родъ ихъ занятій, на ихъ привилегированное положеніе и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія, почтальоны и телеграфисты выполняютъ весьма важную функцію. Но развѣ булочники или желѣзнодорожные рабочіе выполняютъ менѣе важныя функціи? Ихъ трудъ является общественно, государственно необходимымъ. Ну, а трудъ тѣхъ, которые на казенныхъ заводахъ и верфяхъ изготовляютъ пушки и военные корабли, правители Франціи считаютъ развѣ менѣе государственно необходимымъ? Имъ нечего опасаться безработицы и государство гарантируетъ имъ маленькую пенсію на старость дней. Но изъ-за этого лишаютъ ихъ самостоятельности, воспретить имъ ту самодѣятельность, которою пользуются частно-промышленные

рабочіе, очень часто, когда у нихъ имѣется работа, зарабатывающіе куда больше, чѣмъ почтальоны, и для которыхъ, кромѣ того, само правительство предлагаетъ теперь ввести пенсіи? Какой нуженъ чисто - патрональный эгоизмъ, для того, чтобы требовать отъ своихъ служащихъ большей покорности и какой-то особенной признательности на томъ основаніи, что имъ обезпечиваютъ кусокъ хлѣба и на старости лѣтъ, когда у нихъ уже не будетъ больше силъ трудиться?

Но синдикальное движеніе, несмотря на сопротивленіе правительства, вопреки его угрозамъ и дисциплинарнымъ мѣрамъ, все же проникло и въ эту среду, и въ настоящее время имѣются синдикаты почтово-телеграфныхъ и таможенныхъ служащихъ, дорожныхъ сторожей, народныхъ учителей и даже мелкихъ министерскихъ чиновниковъ ¹⁾.

Какъ это случилось?

Какъ извѣстно, Франція, ставъ республикой, сохранила почти нетронутымъ завѣщанный ей наполеоновскими монархіями административный строй. И административные нравы ея остались почти тѣми же, какими они были до учрежденія третьей республики. Крайняя централизація, іерархизмъ, фаворитизмъ, пресмыканіе передъ старшими, презрѣніе къ низшимъ, соперничество,—вотъ, въ общихъ чертахъ, какими были до сравнительно недавняго времени нравы французской администраціи. И когда среди такихъ служащихъ, какъ почтальоны, на примѣръ, возникала мысль о какомъ-либо сообществѣ, о совмѣстной дѣятельности, то она не шла дальше мютюализма, т. е. взаимопомощи. При этомъ, если они рѣшались уже устроить какое-либо сообщество, то ставили они его подъ покровительство своего начальства, которое, понятно, не отказывалось руководить ими и заботливо удерживало ихъ въ границахъ должнаго почтенія къ старшимъ, къ традиціямъ, къ уставамъ, циркулярамъ. Низшему персоналу, чтобы не ограничить произвола старшихъ, воли не давали. Но разъ ставъ на путь организаціи и самодѣятельности, государственные служащіе естественно должны были прійти къ идеѣ о защитѣ своихъ профессиональныхъ интересовъ. Примѣръ фабрично-заводскихъ рабочихъ, а тѣмъ болѣе—рабочихъ, занятыхъ на государственныхъ предпріятіяхъ, которые синдикировались, приобрѣтали своими организаціями грозную силу, добивались и достигали улучшеній своего положенія, заставляли парламентъ издавать полезныя для нихъ реформы примѣръ этотъ не могъ не подѣйствовать и на государственныхъ служащихъ, какъ бы они ни были принижены и стетали. Имъ было, конечно, труднѣе организовать, труднѣе и потому, что ихъ хозяинъ—государство—сказалъ движенію ихъ несомнѣнно большее сопротивленіе, чѣмъ

¹⁾ Излишне, кажется, прибавить, что во Франціи нѣтъ чиновъ и что чиновники, отъ мелкихъ до низшихъ, покидая службу, становятся простыми гражданами, не имѣющими никакихъ титуловъ.

многіе и многіе частные хозяева, и потому, что имъ, прежде чѣмъ распространить на себя общее понятіе наемныхъ тружениковъ, понять свою тѣсную связь съ пролетаріатомъ индустріальнымъ и одобрить методы борьбы послѣдняго, надо было освободиться отъ многихъ предразсудковъ и при, вычекъ, специфически свойственныхъ ихъ положенію. Какъ бы всемогущъ ни былъ какой-нибудь фабрикантъ, но все то, что происходитъ на его фабрикѣ или фабрикахъ, кажется болѣе простымъ, болѣе доступнымъ критикѣ и анализу и легче перемѣнимымъ, чѣмъ то, что происходитъ въ какомъ-нибудь государственномъ учрежденіи. Тамъ эксплуатація и произволъ просты и ясны; здѣсь ихъ надо разглядѣть сквозь всякіе *государственные* интересы, разные *законы*, распоряженія *правительства*, постановленія *парламента*,—сколько огорошивающаго, пришибляющаго въ однихъ этихъ словахъ! Тамъ распоряженіе исходитъ отъ фабриканта или его директора, здѣсь же, часто, отъ самого министра, правящаго всей страной и которому подчинены такія исключительныя силы, какъ полиція и армія. Поступить на фабрику или заводъ сравнительно такъ просто; для того же, чтобы быть принятымъ въ какое-либо государственное учрежденіе, требуется въ большинствѣ случаевъ столько хлопотъ, протекціи. Какое-нибудь правило внутренняго распорядка хозяинъ можетъ такъ же легко отмѣнить, какъ онъ его ввелъ; отмѣнить же министерское постановленіе—вѣдь это иногда цѣлое государственное событіе. Очень многое изъ того, что въ условіяхъ найма и труда частныхъ рабочихъ опредѣляется волей лишь хозяина, нормировано для государственныхъ рабочихъ закономъ. Насколько должна была измѣниться психологія государственныхъ служащихъ для того, чтобы они проще взглянули и на себя и на окружающее, для того, чтобы они перестали чувствовать себя подданными самодержавнаго начальства, чтобы они разсѣяли вокругъ себя туманъ государственнаго авторитета!

Но этому, вопреки стараніямъ высшей администраціи, способствовало весь политическій режимъ Франціи съ его свободой печати, свободой собраний, періодическими выборами, на которыхъ всѣ граждане встрѣчаются равноправными. Демократизмъ, какъ ни оберегали отъ него государственныя учрежденія, все же проникло въ нихъ, вытѣсняя постепенно традиціи и нравы, завѣщанныя монархическимъ режимомъ. Къ тому же правительству Франціи, возобновивъ за послѣдніе годы антиклерикальную борьбу, нуждались въ усердной и постоянной поддержкѣ многочисленнаго административнаго пролетаріата, тѣмъ болѣе, что, во многихъ случаяхъ, высшая администрація оказывалась зараженной клерикализмомъ, поработенной духовенствомъ, проникнутой явно анти-республиканскими тенденціями. Кто, если не народные учителя, вытѣснили окончательно клерикализмъ изъ школы? И не они ли, проявивъ замѣчательное мужество и настойчивость, подорвали въ деревнѣ казавшійся столь прочнымъ авторитетъ священниковъ? Не они ли были самыми усердными пропагандистами республиканской идеи

и не имъ ли республиканская партія обязана въ значительной степени своимъ торжествомъ? А какими преданными агентами этой партіи были на выборахъ деревенскіе почтальоны, дорожные сторожа, таможенные служащіе! Но, призвавъ ихъ такимъ образомъ себѣ на помощь, радикальныя министерства послѣднихъ лѣтъ принуждены были относиться съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ и требованіямъ государственныхъ служащихъ, терпѣть ихъ ассоціаціи, число которыхъ все увеличивалось и которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше принимали профессиональный характеръ. Эти ассоціаціи были скоро легализованы закономъ 1901 г., который, регламентируя положеніе духовныхъ конгрегацій, предоставилъ всѣмъ гражданамъ право образовывать союзы. Существова уже на законномъ основаніи, чиновничьи ассоціаціи все расширяли свою дѣятельность, заставили и высшую администрацію считаться съ ними, стали крупной силой въ административной жизни Франціи. Въ нихъ также все больше проникали идеи социализма, но правительство принуждено было и на это смотрѣть сквозь пальцы, такъ какъ въ палатѣ оно пользовалось тогда постоянной поддержкой социалистовъ и такъ какъ во всей странѣ произошло тогда сближеніе между радикальными партіями и социалистической. „Конфузионизмъ“, сотрудничество социалистовъ, точнѣе—жоресистской фракціи социалистовъ съ правительствомъ въ періодъ министерствъ Вальдека-Руссо и Комба имѣло несомнѣнно очень благопріятное вліяніе на административный пролетариатъ, официально открывъ послѣднему доступъ въ социалистическую партію. И когда даже въ чиновничьихъ ассоціаціяхъ намѣтилось синдикальное теченіе, когда нѣкоторыя изъ нихъ даже преобразовались въ синдикаты, то правительство и тогда не обнаружило особенной тревоги и большой строгости. Такъ, въ цитированномъ уже нами циркулярѣ Комба относительно синдикатовъ дорожныхъ сторожей министръ, хотя и не находя возможнымъ распространить на послѣднихъ законъ 1884 г., указываетъ на то, что вопросъ о чиновничьихъ синдикатахъ потерялъ значительную часть своего интереса со времени изданія закона 1901 г. объ ассоціаціяхъ. Разъ чиновники могутъ наравнѣ со всѣми гражданами и независимо отъ профессиональных условій образовывать союзы и фактически придавать имъ и профессиональный характеръ, то не все ли равно, какъ эти союзы называются, ассоціаціями или синдикатами? Мы увидимъ дальше, что это далеко не все равно, но такъ думали многіе политическіе дѣятели Франціи, и уже по одному этому они не могли усмотрѣть въ синдикальномъ теченіи что-либо мятежное и требующее строгихъ, сокрушительныхъ мѣръ. Парламентская же комиссія труда, которой поручено было рассмотреть вопросъ о реформѣ закона 1884 г., пришла въ тому заключенію, что его можно и приходится распространить на тѣхъ государственныхъ или коммунальныхъ служащихъ, которые „не облечены никакой частицей государственной власти“, которые не являются *agents d'autorité*. А Луи Барту, доклад-

чикъ этой комиссiи, отгѣсненный республиканской партiей, какъ бывшiй министръ кабинета Мелина, и старавшiйся заслужить ея довѣрiе, чтобы снова стать у власти, заявилъ въ своемъ докладѣ, давшемъ ему возможность, такъ сказать, реабилитировать себя въ глазахъ демократiи, что „государство—*хозяинъ* должно подчиняться законнымъ условiямъ и обязательствамъ, которымъ подчинены всеъ хозяева по отношенiю къ лицамъ, трудъ которыхъ они нанимаютъ“ и что „оно даже обязано дать имъ примѣръ уваженiя къ закону и его примѣненiя“¹⁾.

Возникалъ, правда, вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ государство является *хозяиномъ* и въ какихъ *сувереномъ*, кого изъ государственныхъ служащихъ слѣдуетъ считать агентами власти (*agents d'autorité*) и кого агентами *de gestion*, т. е. занимаемыми государствомъ, какъ хозяйственной организацiей. Нѣкоторые французскiе юристы, какъ Фонтенъ и Бургенъ, являющiеся въ этой области несомнѣнными авторитетами, предлагаютъ отличать однихъ отъ другихъ по тому, облечены ли они или нѣтъ той спеціальнoй властью, которою обладаетъ государство, пользуются ли они или нѣтъ принудительной властью надъ другими гражданами. Государственныхъ служащихъ, говоритъ Бургенъ, раздѣляютъ „на двѣ крупныя категорiи, смотря по роду ихъ функцiй. Къ первой категорiи относятъ агентовъ, исполнителей государственной власти, т. е. тѣхъ, которые, по полномочию суверена получили какую-либо частицу государственной власти и которые правоспособны проявлять принудительную, повелительную власть по отношенiю къ гражданамъ... Ко второй категорiи, которую противопоставляютъ первой, относятъ агентовъ *de gestion*, которые не обладаютъ государственной властью, которые нисколько не правоспособны пользоваться надъ гражданами принудительной властью и функцiя которыхъ состоитъ исключительно въ веденiи государственныхъ учрежденiй“. Къ этому мнѣнiю примыкаютъ и многiе другiе юристы, и комиссiя труда, какъ мы видѣли, вполне съ нимъ согласилась. Но если теоретически это подраздѣленiе на двѣ категорiи кажется удовлетворительнымъ, то фактически не всегда легко провести между ними опредѣленную границу. На основанiи принципа, изъ котораго исходить Бургенъ, почтальноновъ слѣдуетъ какъ будто отнести къ категорiи агентовъ *de gestion*. Но оказывается, что они имѣютъ право, которымъ они никогда не пользуются на практикѣ, но которое все же даетъ возможность, теоретически по крайней мѣрѣ, отнести ихъ къ агентамъ власти, именно право составлять протоколъ²⁾. Луи Барту предла-

1) Louis Barthou, L'Action Syndicale, стр. 156.

2) И въ судебной практикѣ возникаютъ на этой почвѣ недоразумѣнiя. Такъ, одинъ парижскiй торговецъ былъ въ 1904 г. привлеченъ къ судебной отвѣтственности за оскорбленiе словами телефонистки при исполненiи ею служебныхъ обязанностей. Судъ приговорилъ его къ извѣстному наказанiю, но приговоръ этотъ былъ отмѣненъ высшимъ судебнымъ учре-

галъ поэтому въ своемъ докладѣ не ограничиться лишь принципиальнымъ признаніемъ синдикальнаго права за тѣми, которые не облечены государственной властью, а перечислить еще въ законѣ, какіе именно государственные служащіе не облечены ею, т. е. являются агентами de gestion. Самъ онъ такого перечисленія не дѣлаетъ, но приводитъ мнѣнія профессора Бургена и директора департамента труда Фонтена, которые, безъ колебаній, относятъ къ числу агентовъ de gestion народныхъ учителей, почтальоновъ, и вообще всѣхъ служащихъ, выполняющихъ въ разныхъ учрежденіяхъ чисто-техническія функціи. Причемъ, Барту ссылается на нихъ въ такихъ выраженіяхъ, съ такимъ очевиднымъ признаніемъ ихъ авторитета, что кажется, будто и онъ, и комиссія труда, отъ имени которой онъ говоритъ, вполне съ ними согласны. А такъ какъ докладъ этотъ былъ встрѣченъ всей республиканской партіей съ несомнѣннымъ сочувствіемъ, то можно было подумать, что спорный вопросъ о синдикатахъ чиновниковъ будетъ скоро рѣшенъ въ смыслѣ, указанномъ комиссіей труда и Барту, а въ конечномъ счетѣ Бурженомъ и Фонтеномъ ¹⁾. Такъ именно думали учителя и всѣ прочіе синдикированные государственные служащіе, для которыхъ докладъ Барту сталъ своего рода классическимъ текстомъ.

Итакъ, еще разъ, все позволяло надѣяться, что оспариваемое пока правительствомъ синдикальное право такихъ „чиновниковъ“, какъ учителя, почтальоны, дорожные сторожа, будетъ скоро окончательно признано за нами. Это мнѣніе раздѣляло какъ будто и само правительство, которое, не признавая официально ихъ синдикатовъ и относясь къ нимъ враждебно, все же не принимало противъ нихъ репрессивныхъ мѣръ.

Но синдикальное движеніе административнаго пролетаріата приняло особенно интенсивный характеръ—и это, конечно, не случайность—именно въ то время, когда рабочее движеніе во Франціи сильно оживилось и когда чисто рабочій синдикализмъ сталъ весьма активнымъ. Даже такіе паріи труда, изолированныя въ большинствѣ случаевъ въ своей работѣ и униженныя несправедливымъ презрѣніемъ къ нимъ со стороны общества, какъ ресторанная прислуга, повара, служащіе въ гостиницахъ, объединились въ синдикатъ и повели энергичную борьбу за улучшеніе своего положенія, моральнаго и матеріальнаго, и въ частности за отмену всѣхъ унижающихъ ихъ личностъ условій труда, какъ запрещеніе носить усы, подачки „на чай“, изъ которыхъ до сихъ поръ составляется ихъ зара-

жденіемъ, т. е. Кассационной палатой, на томъ основаніи, что служащіе телефона—не чиновники и что, слѣдовательно, не могло быть оскорбленія при исполненіи служебныхъ обязанностей. Это толкованіе Кассационной палаты должно быть, очевидно, распространено и на почтово-телеграфныхъ служащихъ.

¹⁾ Maurice Bourguin, *L'application des lois ouvrières aux ouvriers et employés de l'Etat*. Paris, Rousseau, 1902. Arthur Fontaine, *Louage de travail*.

ботокъ. Конфедерация Труда, объединяющая громадное большинство французскихъ синдикатовъ, подняла неудавшееся хотя, но все же весьма импозантное движеніе за 8-ми часовой рабочей день. Все болѣе тѣсно связывая разныя федераціи рабочихъ, она стала грозной, возбуждающей ужасъ буржуазіи, силой. Выступивъ далеко за рамки узко-профессиональныхъ интересовъ, она повела энергичную агитацію за всеобщую стачку и противъ милитаризма, лежащагося все большей и большей тяжестью на современные націи, но который тѣмъ больше пріобрѣтаетъ симпатіи буржуазіи, чѣмъ больше разрастается рабочее движеніе. Стачки, и все крупныя стачки, часто обнимавшія многіе города и останавливавшія сама я важныя отрасли промышленности, чередуются съ небывалой до сихъ поръ быстротой.

Съ другой стороны, произошли также крупныя перемѣны и въ политическомъ отношеніи. Разныя социалистическія фракціи, на протяжении многихъ лѣтъ не перестававшія враждовать между собою и тѣмъ дробившія свои силы и ослаблявшія свою дѣятельность, объединились (1905 г.) въ одну партію, ведущую теперь въ странѣ и въ парламентѣ совершенно самостоятельную политику. Кончилось прежнее смѣшеніе языковъ, программъ, направленій, которое называлось „республиканскимъ bloc'омъ“ и которое стало даже невозможнымъ въ виду того, что теперь, когда антиклерикальная политика доведена была до своего естественнаго конца—отдѣленія государства отъ церкви, на очередь выступили социальныя вопросы, наиболѣе раздѣляющіе разныя партіи. Нельзя болѣе укрываться за клерикальную опасность, которая, если она существовала, окончательно устранена, какъ то показало спокойствіе и удовлетвореніе, съ которыми страна приняла послѣднюю антиклерикальную реформу. Необходимо приступить къ крупнымъ социальнымъ реформамъ, обѣщаніями которыхъ такъ долго убаюкивали народъ и осуществленія которыхъ онъ настоятельно требуетъ, имѣя на то тѣмъ болѣе право, что послѣдніе выборы (1906 г.) отдали власть въ руки радикальной части буржуазіи. Оставаться въ рядахъ послѣдней хотя бы и съ иной программой и болѣе возвышеннымъ идеаломъ, быть вынужденными на всевозможныя уступки и прикрывать своимъ присутствіемъ отступленіе радикаловъ, которое нетрудно было предвидѣть,—этого социалисты не могли и не должны были дѣлать. При поворотѣ политики отъ антиклерикализма къ социальнымъ вопросамъ они обязаны были отдѣлиться отъ всѣхъ, даже наиболѣе передовыхъ республиканскихъ партій, чтобы съ болѣе свободой и болѣе самостоятельностью требовать отъ нихъ осуществленія ихъ социальной программы и дать странѣ полную возможность судить о себѣ и другихъ. Ихъ объединеніе и прекращеніе „диффузіонизма“ позволило имъ къ тому же сблизиться съ синдикальнымъ движеніемъ, за послѣдніе годы сильно отдалившимся отъ политическо-социалистическаго движенія.

Все это, вмѣстѣ взятое, всполошило буржуазію, почувствовавшую себя

серьезно угрожаемой въ своемъ господствѣ. Моментами, какъ, напр., передъ 1 мая 1906 г., ея даже овладѣвала настоящая паника. Соціализмъ, передъ которымъ многіе буржуазные республиканцы еще недавно почтительно расшаркивались, снова сталъ какимъ-то чудищемъ или посмѣшищемъ. А синдикализмъ стали понимать не иначе, какъ въ смыслѣ анархіи, насильственной анархіи. Каждая сколько-нибудь крупная стачка вызывала крики ужаса и негодованія. Вся буржуазная пресса забила тревогу и въ ней то и дѣло возвѣщаютъ о наступающей, о приближающейся, о неминуемой революціи. Врагъ справа окончательно раздавленъ, и республиканская буржуазія въ боевой позѣ, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ и сжатыми кулаками, обернулась къ „врагу слѣва“. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться призывы къ репрессіямъ, и въ общемъ хорѣ нельзя больше отличить консервативные голоса отъ либеральныхъ. *Le Radical* тянетъ совершенно въ тонъ архи-реакціонному *Gaulois*, и оба не устаютъ пѣть ту же изо дня въ день пѣсенку о порядкѣ, объ опасности анархіи и т. д. Надо распустить Конфедерацію Труда, надо преслѣдовать антимиитаристовъ, надо бороться противъ все расширяющагося синдикализма, надо проучить пролетаріатъ, — вотъ что ежедневно читаешь въ буржуазно-республиканскихъ газетахъ. Вся буржуазная демократія, за рѣдкими исключеніями, шарахнулась назадъ, и „красный призракъ“ снова выступилъ на сцену. Какъ бы символомъ этого отступленія является нынѣшнее министерство; о всѣхъ почти членахъ котораго можно сказать, что они *si-devant*: Брианъ и Вивіани ¹⁾ *si-devant*, т. е. бывшіе соціалисты, а нынѣ, особенно Брианъ, наиболѣе угодливые прислужники буржуазіи; Клемансо, *si-devant* гроза оппортунизма, а нынѣ возводящій оппортунизмъ въ принципъ; Барту, *si-devant* сторонникъ синдикатовъ государственныхъ служащихъ, а нынѣ ярый противникъ ихъ; Пикарь, *si-devant* горячій дрейфусарь, самъ бывшій жертвою духа военной исключительности и исключительной военной юстиціи, а нынѣ стоящій на стражѣ дисциплинарныхъ батальоновъ и не позволяющій осуществить, наконецъ, ту реформу, которая въ свое время была лозунгомъ всѣхъ дрейфусаровъ, именно—уничтоженіе военныхъ судовъ. Прошлое всѣхъ ихъ предвѣщало иное будущее, и настоящее каждаго изъ нихъ является отреченіемъ отъ его проплаго. Всѣ они, вмѣстѣ съ всей буржуазіей, отступили въ ужасѣ передъ результатами тѣхъ „десяти лѣтъ непредусмотрительности“, о которой упомянулъ въ цитированной уже нами рѣчи Брианъ и въ теченіе которыхъ пролетаріатъ могъ сравнительно свободно расширить и умножить свои синдикальныя организаціи, объединить ихъ въ одну конфедерацію, тѣмъ самымъ поставивъ имъ цѣлью полное освобожденіе труда. Этой „непредусмотрительности“ долженъ былъ

¹⁾ Вивіани еще въ 1906 г. писалъ горячія статьи въ защиту синдикальнаго права чиновниковъ.

наступить конецъ. Ее смѣнила реакція, и теперь пошли репрессіи, которыя, понятво, не могли миновать синдикальное движеніе административнаго пролетаріата, совпавшее съ ростомъ и оживленіемъ обще рабочаго движенія и только въ этой обстановкѣ обнаружившее всю свою важность.

IV.

Мы указали, въ какой обстановкѣ возникло синдикальное движеніе административнаго пролетаріата, какія условія способствовали его развитію и при какихъ условіяхъ правительство ополчилось противъ него. Необходимо, однако, поближе присмотрѣться къ эволюціи отъ мютюализма къ синдикализму, и мы прослѣдимъ это, не входя, однако, въ излишнія подробности, на примѣрѣ, главнымъ образомъ, учителей, движеніе которыхъ вызываетъ наибольшія нареканія.

Первыми учительскими организаціями были общества взаимопомощи. Дѣятельность ихъ заключается въ томъ, что они собирали взносы и разъ въ годъ созывали своихъ членовъ на банкетъ, на который обыкновенно приглашали представителей властей, произносящихъ рѣчи объ ихъ великой миссіи, объ ихъ обязанностяхъ и т. д. Надо сказать, что въ тѣ времена положеніе учителя, особенно деревенскаго, было самымъ незавиднымъ. Кромѣ того, что онъ матеріально былъ тогда еще хуже обезпеченъ, чѣмъ теперь, онъ долженъ былъ выдерживать ожесточенную борьбу конкуррировавшихъ съ нимъ священниковъ и конгрегацій, долженъ былъ вести цѣлую политику внѣ своей школы, чтобы не возбуждать противъ себя мѣстныхъ властей, чтобы не создавать затрудненій правительству, которое, въ разныхъ конфликтахъ учителей съ церковью и муниципалитетами, очень легко жертвовало учителемъ. А такъ какъ во Франціи префектамъ предоставлена громадная власть надъ учителями, — право назначать, перемѣщать и смѣщать ихъ, — то участь учителей была подвержена и въ значительной степени подвержена еще и теперь разнымъ политическимъ вѣяніямъ и вліяніямъ. Понятно, что молодыя силы, призванныя работать на нивѣ народнаго образованія, не могли довольствоваться одной лишь мютюалистической дѣятельностью. И уже въ 1887 г. учителя Сеяскаго департамента попытались учредить синдикатъ. Но правительство категорично воспротивилось этому, и попытка эта не имѣла никакихъ послѣдствій, не вызвавъ раздраженій и пройдя почти незамѣченной. Подъ разными именами — педагогическіе кружки, коллегіальныя собранія и др. — стали, однако, возникать новыя общества, въ которыхъ дѣятельности учителей представлялся большій просторъ, чѣмъ въ мютюалистическихъ организаціяхъ. Эти общества распространялись, сближались и къ концу девяностыхъ годовъ приняли почти повсюду форму „товарищескихъ ассоціацій“ (*Associations amicales*

d'instituteurs). Хотя и терпимая высшей администраціей, эти ассоціаціи не чувствовали себя еще вполне гарантированными въ своемъ существованіи, дѣйствовали робко, выбирали своими предсѣдателями, въ качествѣ громомоводовъ, кого-нибудь изъ начальства и старались, по возможности, держаться почтительно съ послѣднимъ и пользоваться его благоволеніемъ. На собраніяхъ обществъ обсуждались разные педагогическіе вопросы, относящіеся къ постановкѣ школьнаго или вѣтшкольнаго обученія, и затрагивались также, въ осторожной, конечно, формѣ, вопросы профессиональные и даже обще-соціальные. Наиболѣе смѣлые и наиболѣе активные среди учителей и учительницъ получили такимъ образомъ трибуну—собранія и органы печати этихъ обществъ, — съ которой они могли проповѣдовать своимъ товарищамъ идеи солидарности и широкаго прогресса. Въ 1900 году состоялся первый конгрессъ (въ Парижѣ) учительскихъ товариществъ, а въ слѣдующемъ году они были легализированы общимъ закономъ объ ассоціаціяхъ и конгрегаціяхъ. Теперь къ нимъ стали приставать и наиболѣе нерѣшительные элементы, и общества эти еще болѣе распространились. Наступила пора боевого антиклерикализма, роль народныхъ учителей приобрѣла въ глазахъ демократіи особую важность, и правительство, закрывая конгреганистскія школы и стараясь вытѣснить церковь изъ народнаго образованія, стало, естественно, относиться къ учителямъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ когда-либо. Но внимательность эта была скорѣе всего формальной: при различныхъ случаяхъ представители правительства хвалили преданность и усердіе учителей, давали имъ, отъ имени республики, торжественныя обѣщанія поддерживать ихъ, заботиться о нихъ, посѣщали ихъ конгрессы, присутствовали на ихъ банкетахъ, позволяли имъ очень многого требовать и даже критиковать себя, но очень мало въ чемъ удовлетворяли „пожеланіямъ“, выработаннымъ учительскими конгрессами. Въ общемъ положеніе учителей измѣнилось лишь въ томъ, что ихъ жалованье было нѣсколько повышено. Съ умаленіемъ авторитета священниковъ, противъ которыхъ теперь дѣйствовали и непосредственные агенты правительства, имъ, понятно, стало легче жить. Но это было слѣдствіемъ общей перемѣны въ политикѣ. Въ административномъ же отношеніи продолжались перемѣненія d'office, назначенія по рекомендаціи депутатовъ, несоблюденія правилъ повышеній, произволъ инспекторовъ и префектовъ. Отъ учителей, попрежнему, требовали покорности и вѣрности правительству и, попрежнему, наиболѣе увѣренными въ своей карьерѣ могли быть особенно податливые изъ нихъ, т. е. которые умѣли наилучше ладить съ мѣстными властями и прислуживаться къ официальнымъ кандидатамъ на выборахъ.

Между тѣмъ, идеи социализма все больше распространялись среди учителей, и въ 1903 г. было основано общество *Emancipation*, бывшее несомнѣнно социалистическимъ съ самаго своего возникновенія. Въ очень короткій промежутокъ времени оно образовало секціи въ девяти департа-

ментахъ и обзавелось собственнымъ органомъ ¹⁾. Цѣлью этого общества, какъ ее опредѣляетъ уставъ его, является во-1) защита профессиональныхъ интересовъ и во-2) изученіе улучшеній, которыя можно внести въ организацію народной школы ²⁾. „Будь человѣкомъ, такъ какъ ты долженъ воспитывать людей“—вотъ девизъ, избранный обществомъ, и, поясняя его, одинъ учитель прибавляетъ: „Всегда повиноваться, бояться и дрожать не подбаеетъ человѣку, особенно воспитателю“ ³⁾. А въ воззваніи, обращенномъ членами *Emancipation* къ ихъ коллегамъ, они заявляютъ: „Мы желаемъ, чтобы тѣ, которые имѣютъ одинаковые интересы, сгруппировались не противъ личностей, а для осуществленія требованій независимости и благосостоянія (*bien-etre*), которыя въ высшей степени необходимы и законны для прогресса свѣтскаго и республиканскаго обученія. Мы—республиканцы въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова и желаемъ объединить свои силы именно для того, чтобы участвовать въ созданіи общества счастья“ ⁴⁾... Необходимо замѣтить, что въ *Emancipation* принимаютъ участіе только такъ называемые учителя-adjoints, т. е. не имѣющіе директорскихъ обязанностей или соединяющіе въ своемъ лицѣ и директора, и учителя, иначе говоря, не имѣющіе adjoints, какъ завѣдующіе деревенскими школами ⁵⁾. Суть въ томъ, что въ городскихъ школахъ завѣдующіе играютъ часто роль настоящихъ инспекторовъ, требуютъ отъ учителей безусловнаго себѣ подчиненія и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ все дѣло внутренней организаціи школы. Они являются истиннымъ начальствомъ, и учителя adjoints, если они дѣйствительно стремились къ независимости, не могли дѣйствовать заодно съ директорами, бороться противъ ихъ абсолютизма въ сотрудничествѣ съ ними.

Emancipation тотчасъ же по своемъ возникновеніи приняла боевой тонъ, стала требовать „равенства правъ и обязанностей“, т. е. чтобы учительницы получали такое же жалованье, какъ учителя, чтобы завѣдующіе работали въ школахъ столько же, сколько adjoints, чтобы директора не могли дѣлать сообщеній о послѣднихъ администраціи, не предупредивъ ихъ, чтобы администрація, въ томъ, что касается adjoints, входила непосредственно съ ними въ сношенія. Она стала добиваться учрежденія *Conseil des maîtres*, т. е. учительскаго совѣта, которому принадлежало бы руководство школой, настаивала на предоставленіи учи-

1) *L'Emancipation de l'Instituteur*, organe mensuel de la fédération nationale des Instituteurs et Institutrices de France. Первый номеръ вышелъ въ декабрѣ 1903 г., и мы находимъ въ немъ статьи Жана Жореса, Ренара, Лонге и др. социалистовъ.

2) *L'Emancipation de l'Instituteur*, № 2, стр. 13.

3) *L'Emancipation*, № 6, стр. 10.

4) *Ibid.*, № 2, стр. 12.

5) *Ibid.*, № 2, уставъ.

телямъ большей свободы въ выборѣ учебныхъ книгъ и вообще большей педагогической самостоятельности. Отмѣчу еще такія требованія, какъ воспрещеніе начальству дѣлать учителямъ замѣчанія въ присутствіи учениковъ, какъ вознагражденіе за разныя обязанности, возложенныя на учителей въ дѣлѣ, напр., вѣтшкольнаго обученія и, главное, лишеніе префекта, т. е. губернатора, власти надъ преподавательскимъ персоналомъ ¹⁾.

Въ старыхъ организаціяхъ, въ Amicales тоже начинали сознавать недостаточность той дѣятельности, которой онѣ занимались. Что съ того, что начальство относится къ нимъ такъ благосклонно, когда требованія учителей и учительницъ все же систематически игнорируются? А между тѣмъ, не будучи болѣе изолированными, организованные хотя бы въ Amicales, привыкшіе уже обсуждать свои дѣла, сознавшіе свою силу, учителя не могли больше довольствоваться официальными улыбками, не желали больше подчиняться любезному начальству, режиму фаворитизма и произвола. Удовлетворяла ли сама форма ихъ нынѣшнихъ обществъ, т. е. Amicales, гдѣ учителя и директора засѣдали рядомъ, гдѣ начальство имѣло, такъ оказать, своихъ ставленниковъ, гдѣ привыкли скорѣе ходатайствовать, чѣмъ требовать и бороться, той степени сознанія, которой достигла наиболѣе передовая часть народныхъ учителей? Почему и имъ не одобрить ту форму ассоціаціи, которая стала наиболѣе распространенной, именно—синдикатъ?

Синдикализмъ сталъ цѣлой системой борьбы всего трудящагося класса, почему же и имъ не примкнуть къ нему? Какъ бы они ни организовывались, если ихъ сообщества будутъ спеціальнымъ типомъ, они останутся изолированнымъ, между тѣмъ какъ объединившись въ синдикаты, они станутъ звеномъ мощной, тѣснымъ кольцомъ охватившей всю Францію, организаціи. Они, конечно, не рабочіе, но кто изъ интеллигентныхъ тружениковъ, по происхожденію и по дѣятельности своей, стоитъ ближе ихъ къ рабочей массѣ? Не случайность вѣдь, что социализмъ такъ широко распространился среди нихъ. Имѣютъ ли они право образовывать синдикаты? Законъ 1884 г. не возбраняетъ этого, а что не запрещено закономъ, то дозволено. Впрочемъ, развѣ синдикаты рабочихъ не существовали задолго до того, какъ законъ ихъ разрѣшилъ?

Такъ медленно назрѣвала въ учительской средѣ идея синдикализма.

¹⁾ Замѣтимъ тутъ, что если Emancipation была единственной социалистической организаціей среди учителей, то социализмъ распространился куда дальше ея предѣловъ. Доказательствомъ этого является то, что одинъ изъ наиболѣе популярныхъ школьныхъ органовъ, *Revue de l'enseignement primaire*, уже давно примкнулъ къ социалистическому направленію. Такъ, съ конца 1905 г. въ немъ участвуютъ, какъ постоянные сотрудники, Жорэсъ, Фурниеръ, Поль-Луи и др. До этого же въ немъ постоянно сотрудничалъ Герве, нынѣшній пугало всей буржуазіи.

Въ 1903 г. учителя департамента Соммы рѣшили образовать синдикатъ и вступить въ амьенскую Биржу Труда. Но прежде чѣмъ осуществить это на практикѣ, они обратились съ запросомъ къ инспектору Академіи, и, понятно, получили отвѣтъ, что власть не потерпитъ учительскаго синдиката. Они подчинились. Но не прошло и года (въ іюнь 1904 г.), какъ учителя Варскаго департамента, болѣе смѣлые, чѣмъ ихъ коллеги изъ Соммы, преобразовали свое товарищество въ синдикатъ, не дѣлая объ этомъ никакихъ запросовъ и не дожидаясь никакихъ разрѣшеній. Начало синдикальному движенію учителей было положено. Черезъ мѣсяць, въ іюль 1904 г., Amicale департамента Восточныхъ Пиреней вступила въ Биржу Труда, а затѣмъ трансформировалась въ синдикатъ. Ихъ примѣру послѣдовали скоро учителя департаментовъ Cher и Côtes du Nord. Въ іюль 1905 г. общество Emancipation рѣшило преобразовать всѣ свои секціи въ синдикаты, и на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ возникло, въ разныхъ департаментахъ, новыхъ одиннадцать синдикатовъ. Сама Emancipation стала федераціей синдикатовъ учителей и учительницъ, и къ ней не замедлили примкнуть и синдикаты, образовавшіеся въ департаментахъ Марны, Роны, Соммы, Воклюзъ и Финистера.

Къ чему именно стремятся учителя-синдикалисты, почему они предпочитаютъ синдикатъ иному типу организаціи—это они заявили въ своемъ манифестѣ, появившемся въ печати въ ноябрѣ 1905 г. Установивъ раньше всего, что учителя не являются агентами власти, что они преподаютъ не во имя правительства, государства, а во имя истины, авторы манифеста продолжаютъ: „...Учительская корпорація нуждается въ полной автономіи, а сами учителя—въ самой широкой независимости. Эта автономіи преподавательской корпораціи начальныхъ школъ и независимость его членовъ могутъ быть осуществлены только преобразованиемъ въ синдикаты профессиональныхъ учительскихъ ассоціацій“. Такое преобразование вполне совпадаетъ съ республиканской эволюціей и оно дастъ учителямъ дѣйствительную возможность, которой лишена даже администрація,—освободить школу отъ политическихъ вмѣшательствъ и вліяній. Требуя синдикальнаго права и пользуясь имъ на практикѣ, учителя, кромѣ того, руководствуются чисто-моральными соображеніями: „По своему происхожденію, по образу своей жизни, учителя принадлежатъ къ народу. Они принадлежатъ къ нему еще потому, что ихъ обязанности—обучать дѣтей народа.

„Мы днемъ учимъ дѣтей народа. Не вполне ли естественно, чтобы мы желали быть вмѣстѣ съ людьми народа и вечеромъ? Въ средѣ рабочихъ синдикатовъ мы узнаемъ умственные и моральныя нужды народа. Находясь въ сношеніяхъ съ ними и при ихъ сотрудничествѣ мы вырабатываемъ наши программы и наши методы.

„Мы желаемъ войти въ Биржу Труда, чтобы пріобрѣсть тамъ корпоративный духъ и опытъ и дать примѣръ нашего профессиональнаго сознанія.

„Мы имѣемъ самое высокое представленіе о синдикатѣ. Онъ не кажется намъ созданнымъ исключительно для защиты непосредственныхъ интересовъ его членовъ; мы полагаемъ, что онъ въ такой же степени долженъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлать болѣе полезной для коллективности выполняемую его членами общественную функцію.

„Синдикаты должны готовиться къ тому, чтобы явиться кадрами будущихъ автономныхъ организацій, которымъ государство, подъ своимъ контролемъ и при совмѣстномъ ихъ контролѣ, предоставитъ вести постепенно социализированныя предпріятія 1).

Правительство, въ каждомъ случаѣ образованія учительскаго синдиката, протестовало, начальство дѣлало учителямъ замѣчанія, предостереженія, пробовало даже угрожать дисциплинарными мѣрами, но образовавшіеся синдикаты продолжали все разрастаться, правительство рѣшилось на болѣе энергичную мѣру: оно предало суду сорокъ членовъ—администраторовъ сенскаго синдиката. Судъ надъ ними долженъ былъ состояться 14 ноября 1905 г. 7-го былъ сдѣланъ объ этомъ запросъ въ палатѣ депутатовъ, которая, несмотря на настоянія социалистовъ и нѣкоторыхъ искреннихъ радикаловъ, какъ Рене Рену и Пьешъ, заявившихъ себя дѣйствительными друзьями учителей, отказалась подтвердить *ordre du jour*, вотированный палатой 22 мая 1894 г. и потребовать на этомъ основаніи прекращенія судебныхъ преслѣдованій. Но она постановила обсудить „на одномъ изъ своихъ ближайшихъ засѣданій измѣненія, которыя предложено внести въ законъ о синдикатахъ“. Логически отсюда вытекала необходимость прекратить преслѣдованія, такъ какъ правительство, устами главы кабинета, Рувье, заявило, что возбудило оно преслѣдованіе не съ цѣлью наказать учителей, намѣреваясь, въ случаѣ ихъ осужденія, амнистировать ихъ, а желая вызвать лишь неоспоримую судебную интерпретацію закона 1884 г., на который ссылались учителя. Такая интерпретація становилась излишней, разъ палата рѣшила заняться обсужденіемъ вопроса о государственныхъ служащихъ. Дѣло тѣмъ не менѣе не было прекращено. Но наканунѣ процесса депутатъ Круппи представилъ въ палату отъ имени комиссіи законодательной реформы проектъ амністіи по всѣмъ дѣламъ, возбужденнымъ за нарушеніе закона 1884 г. Процессъ сенскихъ учителей былъ на этомъ основаніи отложенъ *Sine die* 2).

Итакъ, впредь до измѣненія закона 1884 г., учительскимъ синдикатамъ предоставлялось свободно существовать. Это, конечно, распространялось и на другіе синдикаты государственныхъ служащихъ, успѣвшіе образоваться къ тому времени и исторія которыхъ совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ изложенной нами исторіей учительскихъ синдикатовъ.

1) *Etude sur les Syndicats d'Instituteurs*, par Victor Ferrier, 2-ое изд., Марсель, 1906, стр. 14.

2) Исторія этого процесса изложена въ *Emancipation*, № 21.

V.

Надо ковать желѣзо, пока горячо, т. е. использовать то положеніе, которое создалось процессомъ сенскихъ учителей. Чиновники-синдикалисты знали теперь изъ заявленій министра Рувье, что правительство не согласится распространить на нихъ синдикальное право, и они могли убѣдиться, что и палата, въ своемъ большинствѣ, не намѣрена уступить ихъ требованію. Но самымъ ходомъ вещей вопросъ о чиновничьихъ синдикатахъ былъ выдвинутъ на первый планъ и пока что противъ нихъ нельзя было принять никакихъ репрессивныхъ мѣръ. Познакомить народъ съ этимъ вопросомъ, формулировать передъ нимъ свои требованія, создать, однимъ словомъ, крупное движеніе въ пользу синдикатовъ административнаго пролетаріата, представлялось необходимымъ. И въ ноябрѣ же делегаты различныхъ организцій, синдикальныхъ и иныхъ, собрались въ парижской Биржѣ Труда и рѣшили устроить рядъ митинговъ. Конфедерація Труда оказала имъ въ этомъ содѣйствіе, и митинги повсюду прекрасно удались. Успѣхъ поднятаго движенія вызвалъ къ жизни постоянный „Комитетъ для защиты синдикальнаго права“ рабочихъ и служащихъ, нанимаемыхъ государствомъ, департаментами и коммунами. Въ него вошли представители слѣдующихъ организацій, обнимающихъ, въ общемъ, 200.000 труженниковъ: федерація рабочихъ морского вѣдомства, федерація рабочихъ табачныхъ и спичечныхъ фабрикъ, федерація учительскихъ синдикатовъ, синдикаты почтальоновъ и почтово-телеграфныхъ рабочихъ, ассоціація почтово-телеграфныхъ чиновниковъ ¹⁾, синдикатъ рабочихъ монетнаго двора, синдикатъ служащихъ въ муниципальных ломбардахъ и др. Къ тѣмъ государственнымъ служащимъ, синдикальное право которыхъ оспаривалось, применили, слѣдовательно, и тѣ, которые уже давно добились этого права, какъ рабочіе табачныхъ мануфактуръ и др.

Въ январѣ комитетъ этотъ созвалъ съѣздъ, рѣшившій устроить одновременно во всѣхъ городахъ Франціи митинги въ пользу синдикальнаго права. Они состоялись 28 января 1906 г. Для организаціи ихъ и для дальнѣйшей дѣятельности образовались повсемѣстно такъ называемые *Comités d'action*. Движеніе приняло грандіозный характеръ. Но чѣмъ болѣе оно расширялось, тѣмъ болѣе выяснялось враждебное къ нему отношеніе правительства и буржуазіи. Наоборотъ, оно встрѣчало все болѣе горячую поддержку у Конфедераціи Труда ¹⁾, социалистической партіи и

¹⁾ Эта ассоціація, насчитывающая около 20.000 членовъ, не преобразовалась еще въ синдикатъ, но принципиально рѣшила сдѣлать это.

²⁾ Конфедерація Труда отнеслась съ самаго начала съ симпатіей и интересомъ къ движенію административнаго пролетаріата. Напр., одинъ изъ главныхъ ея дѣятелей и секретарь комитета Биржѣ Труда обратился къ послѣднимъ съ циркуляромъ, въ которомъ совѣтовалъ имъ

такихъ организацій, какъ „Лига правъ человѣка“, насчитывающей въ настоящее время около 80.000 членовъ и имѣющей во главѣ извѣстнаго соціалистическаго дѣятеля, Фр. де Прессансе.

Въ апрѣлѣ 1906 г. вспыхнула стачка парижскихъ почтальоновъ, вызванная отказомъ правительства (министерство Рувье смѣнилось уже тогда министерствомъ Саррѣна, въ которомъ участвовали Клемансо, Брианъ и Барту) вступить официально въ переговоры съ ихъ синдикатомъ. На запросъ относительно этой стачки министръ общественныхъ работъ, Барту, заявилъ, что послѣдняя является „мятежнымъ актомъ, попыткой давленія на государственную власть“ и что если допустить подобныя дѣйствія, то „въ странѣ не было бы больше ни правительства, ни парламента“¹⁾ Палата одобрила заявленія правительства, и Барту, увѣренный въ дальнѣйшей поддержкѣ буржуазнаго большинства, уволилъ на слѣдующій день 300 почтальоновъ. Стачка, плохо организованная, кончилась неудачно, и если уволенные почтальоны были впослѣдствіи снова приняты на службу, то правительство постаралось, чтобы это имѣло характеръ милости, не допустивъ даже распространить на нихъ законъ объ амнистіи, вотированный, по установившемуся обычаю, новой палатой, избранной въ маѣ 1906 г.²⁾

Въ печати, между тѣмъ, оживленно обсуждали вопросъ о чиновничьихъ синдикатахъ, котораго касалась еще неоднократно въ своихъ дебатахъ и палата депутатовъ. Первомайское движеніе, крупныя стачки лѣтнихъ мѣсяцевъ 1906 г., энергичная борьба, руководимая Конфедераціей Труда, за строгое соблюденіе закона 13 іюля 1906 г. о праздничномъ отдыхѣ, стойкая кампанія соціалистовъ на послѣднихъ законодательныхъ выборахъ и въкоторое сближеніе ихъ съ синдикалистами, послѣдовавшее за Амьенскимъ конгрессомъ синдикалистовъ и Лиможскимъ конгрессомъ соціалистовъ,—все это возбудило злобу и досаду буржуазіи, стремящейся, съ какой-то мстительной ревностью, обуздать пролетариатъ, который все чаще и чаще безпокоитъ ея благоденствіе. Новое министерство Клемансо-Бриана-Вивіани, возвѣстивъ цѣлый рядъ важныхъ реформъ,

принимать непременно въ свою среду учителей. Но нѣкоторые изъ теоретиковъ «чистаго синдикализма» скептически и презрительно поглядывали на это движеніе. Дѣйствительность, однако, переубѣдила и ихъ, и въ ихъ органѣ, *Mouvement socialiste*, раньше третировавшемъ свысока чиновничьи синдикаты, встрѣчаются уже теперь очень благосклонно настроенныя по отношенію къ нимъ статьи. Очень характерны въ этомъ отношеніи статьи однихъ и тѣхъ же авторовъ, появившіяся тамъ за послѣдніе мѣсяцы и года два тому назадъ, какъ, напр., Лорена (Laurin) въ *Mouvement socialiste*, 15 апрѣля 1905 г., 15 февраля 1906 г. и 15 апрѣля 1907 года.

1) Засѣданіе 12 апрѣля.

2) Засѣданіе палаты депутатовъ 10 іюля 1906 г.

фактически занялось преслѣдованіемъ рабочаго движенія и въ частности движенія административнаго пролетаріата, на которомъ прежніе социалисты и поборники свободы легче всего могли проявить свой „новый курсъ“.

Въ одинъ изъ припадковъ свободолюбія, случающихся еще съ Клемансо, онъ согласился принять делегатовъ „мятежныхъ учителей“ и просилъ ихъ представить ему записку объ ихъ требованіи распространить на нихъ синдикальное право и отвѣтилъ имъ на нее открытымъ письмомъ, излагающимъ тѣ мотивы, по которымъ правительство не можетъ на это согласиться. Приравнить учителей и вообще какихъ бы то ни было государственныхъ служащихъ къ рабочимъ частной промышленности уже по одному тому невозможно, что первые находятся на привилегированномъ сравнительно со вторыми положеніи. Имъ больше даютъ и они должны больше давать, не въ смыслѣ труда, а въ отношеніи покорности, смиренія. Старательно перечисливъ всевозможныя привилегіи, Клемансо, однако, забываетъ, что при трудѣ, несомнѣнно превосходящемъ средній трудъ рабочаго, почтальоны, напр., не имѣютъ и средней заработной платы; что всѣ привилегіи, сводящіяся главнымъ образомъ къ ограниченію того, что можно было бы назвать хозяйскимъ произволомъ, не гарантируютъ все же чиновниковъ отъ административнаго произвола; что если чиновничій пролетаріатъ не страдаетъ отъ безработицы, то это потому, что и сами учрежденія или предпріятія, въ которыхъ онъ работаетъ, не знаютъ ея; что, наконецъ, лицамъ, находящимся на государственной службѣ, въ случаѣ ихъ увольненія обыкновенно гораздо труднѣе найти работу, чѣмъ рабочимъ или служащимъ частныхъ предпріятій. Что дѣлать учителю, если онъ лишается своего мѣста? Пойти развѣ къ монахамъ, я хочу сказать стать преподавателемъ въ какой-нибудь изъ конгреганистскихъ школъ, все еще, несмотря на всю борьбу противъ нихъ, имѣющихся въ достаточномъ количествѣ ¹⁾. А на какой частной службѣ можетъ примѣнить свой опытъ и свои знанія уволенный телеграфистъ или почтальонъ? Всего этого Клемансо, въ своей идеализаціи государственной службы, не видитъ. Онъ также отказывается заглянуть въ глубь вещей, понять, что движеніе административнаго пролетаріата есть одно изъ проявленій происходящей на нашихъ глазахъ трансформаціи государства, и для него, какъ для всѣхъ его предшественниковъ, іерархія и весь административный строй является чѣмъ-то неприкосновеннымъ, святымъ.

Клемансо, дальше, смѣшиваетъ, по правительственной традиціи, синдикальное право со стачечнымъ и считая невозможнымъ предоставить чиновникамъ второе (противъ кого чиновники какого-либо вѣдомства могутъ устроить стачку, если не противъ націи?), выводитъ отсюда не-

¹⁾ Частныхъ начальныхъ школъ, кромѣ конгреганистскихъ, во Франціи почти нѣтъ.

обходимость отказаться имъ въ первомъ. Но, во-первыхъ, стачечное право и право синдикальное—двѣ различныя вещи. Наилучшимъ доказательствомъ этого является то, что оба эти права были предоставлены во Франціи разными законами, изданными въ разное время. Стачки устраиваются и въ такихъ отрасляхъ промышленности, куда синдикатъ еще не проникъ, и онѣ устраивались уже тогда, когда о синдикатахъ еще и помину не было. Безъ всякаго сомнѣнія, существованіе синдиката облегчаетъ организацію стачки, но всякая ассоціація имѣетъ въ стачечномъ отношеніи то же преимущество, а нынѣ никакой французскій консерваторъ не считаетъ уже возможнымъ совершенно лишить чиновниковъ права устраивать союзы. Во-вторыхъ, что касается, въ частности учителей, къ которымъ Клемансо обращался со своимъ письмомъ, то они неоднократно заявляли, что и не думаютъ прибѣгать къ стачкѣ, такъ какъ ихъ стачка всей своей тяжестью легла бы на рабочій, трудящійся людъ. Даже во время рабочихъ волненій, доказывали они, они лучше всего могутъ служить пролетаріату, оставаясь съ дѣтьми въ школѣ, чтобы не подвергнуть ихъ опасностямъ грозныхъ столетовеній, военныхъ или полицейскихъ репрессій.

Но они желаютъ войти въ Биржи Труда, въ Конфедерацию. Это именно больше всего возмущаетъ Клемансо, какъ всю буржуазію. Ваше мѣсто не тамъ, восклицаетъ онъ строго, тѣмъ болѣе, „что тамъ ведутъ рѣчи, съ которыми воспитатели не могутъ согласиться. Апологія саботажа¹⁾ и прямого воздѣйствія, поощреніе ненависти между гражданами, призывы къ дезертированію или къ измѣнѣ,—все это составляетъ доктрину, противъ которой вы ради себя, ради вашей миссіи въ школѣ, ради республиканскаго идеала и ради вашей страны должны бороться изо всѣхъ силъ“. Клемансо выскрываетъ себѣ аргументъ даже въ томъ, что всѣ примыкающія къ Конфедерации организаціи должны абонироваться на издаваемую ею газету *Voix du Peuple*, а такъ какъ послѣдняя проповѣдуетъ антимилиитаризмъ, то учителя будутъ такимъ образомъ „проповѣдовать на средства отечества ненависть къ отечеству и даже разрушеніе его“. Впадая, наконецъ, въ полемическій тонъ, Клемансо выкрикиваетъ въ концѣ письма, что „Франція, во всякомъ случаѣ, не можетъ предоставить вамъ своихъ дѣтей, чтобы позволить вамъ испытать на нихъ „саботажъ“ юныхъ умовъ“²⁾.

Что сказать относительно такихъ доводовъ, всецѣло потерпнутыхъ изъ кладезя мелко-мѣщанской мудрости? Клемансо ни на одинъ моментъ не поднялся выше нападокъ бульварной прессы, когда-то такъ претившей ему. А между тѣмъ, какъ допустить, что онъ не знаетъ, что въ Конфедерации труда сталкиваются различныя мнѣнія, что даже идею всеобщей

1) Саботажъ—нерадивое отношеніе къ работѣ, умышленно плохая работа.

2) Письмо это напечатано въ газетахъ отъ 7 апрѣля 1907 г.

стачки раздѣляютъ не всѣ примыкающія къ ней организаціи, что вступленіе въ нее нисколько не обязываетъ раздѣлять всѣ мнѣнія нѣкоторыхъ ея вождей, что „прямое воздѣйствіе“ громадная часть пролетаріата понимаетъ въ смыслѣ экономической классовой самодѣятельности, что „саботажъ“ проповѣдуется лишь нѣкоторыми синдикалистами, что антимилитаризмъ далеко не для всѣхъ заключается въ дезертированіи и измѣнѣ? 1).

Проповѣдь саботажа, дезертированія и т. д. нисколько, въ дѣйствительности, не пугающая буржуазію, является лишь удобнымъ предлогомъ для преслѣдованія Конфедераціи Труда, которая страшна тѣмъ, что она объединяетъ весь организованный пролетаріатъ. И не изъ за этой проповѣди правительство считаетъ недопустимымъ вступленіе административнаго пролетаріата въ Биржу Труда и Конфедерацію; оно не желаетъ сближенія индустриальнаго и административнаго пролетаріата, сближенія, отъ котораго выиграютъ въ силѣ и тотъ и другой, которое поставитъ и государственныя учрежденія въ зависимость отъ обще-рабочаго движенія.

Но вернемся къ изложенію фактовъ. Какъ Клемансо возвѣстилъ о томъ въ своемъ открытомъ письмѣ, онъ представилъ палатѣ проектъ закона объ ассоціаціяхъ чиновниковъ. Вотъ въ краткихъ словахъ его содержаніе:

Чиновникамъ, за исключеніемъ лишь полицейскихъ, дается право образовывать профессиональныя ассоціаціи, которыя могутъ федерироваться между собой. *Но онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ объединяться съ чиновничьими союзами.* Онѣ могутъ представлять министру свои

1) Въ настоящее время, т. е. въ маѣ 1907 г., на югѣ Франціи происходитъ грандіозное движеніе винодѣловъ, являющееся, какъ то правильно замѣтилъ Жоресъ, первымъ примѣненіемъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ «прямого воздѣйствія». Винодѣлы устраиваютъ манифестаціи, въ которыхъ участвуютъ до 200.000 человекъ, грозятъ прекратить платить налоги и устроить «стачку избирателей», если правительство не выполнитъ къ опредѣленному сроку ихъ требованій. Но такъ какъ движеніе это не рабочее, и участвуютъ въ немъ, главнымъ образомъ, собственники, то правительство не принимаетъ противъ него никакихъ репрессивныхъ мѣръ, хотя то же самое правительство пускаетъ въ ходъ всѣ полицейскія и военныя силы при малѣйшемъ движеніи пролетаріата. Надо еще замѣтить, что движеніе винодѣловъ вызвано кризисомъ, который объясняется практикующеюся въ широкихъ размѣрахъ фальсификаціей вина, иначе говоря, систематическимъ «саботажемъ» въ винодѣліи. Ивообще, развѣ хозяйскій «саботажъ», саботажъ въ ущербъ потребителя не является одной изъ характерныхъ чертъ капиталистическаго производства? Но онъ выгоденъ для капиталистовъ и потому не подвергается опасности отечество, человечество и т. д., какъ рабочій саботажъ, о которомъ столько трубятъ и который, хотя его и проповѣдуютъ нѣкоторые анархисты-синдикалисты, имѣетъ, въ общемъ, очень мало сторонниковъ среди французскаго пролетаріата, отвергающаго его, какъ недѣйствительное и безнравственное средство борьбы.

пожеланія, предварительно сообщивъ, впрочемъ, послѣднія своему непосредственному начальству. Онѣ могутъ также добиваться въ соответственныхъ учрежденіяхъ отмены мѣръ, противорѣчащихъ законамъ или уставамъ. За участіе въ стачкѣ виновные исключаются со службы. Подстрекательство къ забастовкѣ наказуется тюремнымъ заключеніемъ отъ шести дней до шести мѣсяцевъ, а если оно имѣло воздѣйствіе и если подстрекатель выполняетъ такія функціи, которыя даютъ ему извѣстное вліяніе надъ остальными,—то до одного года.

Правомъ образовывать союзы чиновники пользуются и теперь, на основаніи закона 1 іюля 1901 г.¹⁾ Они хотятъ, чтобы на ихъ союзы былъ распространенъ законъ 1884 г., потому что онъ представляетъ нѣкоторыя преимущества передъ первымъ и даетъ имъ возможность слиться съ общесиндикальнымъ движеніемъ. Но это именно проектъ Клемансо запрещаетъ имъ. Весь его смыслъ заключается, слѣдовательно, въ этомъ категорическомъ воспрещеніи того, что административный пролетаріатъ уже дѣлаетъ, что уже стало фактомъ жизни. Онъ, кромѣ того, рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ спорный вопросъ о правѣ чиновниковъ устраивать забастовку, объявляя послѣднюю преступленіемъ, подлежащимъ наказанію²⁾. Свободу ассоціаціи онъ предоставляетъ имъ на основаніи не общаго, а какого-то произвольнаго права, значительно ограничивая кругъ дѣятельности ихъ союзовъ. Но въ какое противорѣчіе впадаютъ Клемансо и его единомышленники, позволяя чиновникамъ имѣть профессиональныя ассоціаціи, т. е. позволяя имъ вступить на путь защиты своихъ интересовъ противъ сувереннаго государства, на путь контракта, договорныхъ отношеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приковывая ихъ старой цѣпью къ государству-суверену, которое приказываетъ и не позволяетъ разсуждать, которое не *нанимаетъ* рабочихъ и служащихъ, а *назначаетъ* ихъ, даетъ имъ не *заработную плату*, а *жалованье*, которое, однимъ словомъ, если и является хозяиномъ, то хозяиномъ-государемъ.

Проектъ Клемансо не удовлетворилъ, понятно, административный пролетаріатъ, и центральный комитетъ, образованный его представителями, выступилъ противъ него съ протестомъ, который, въ видѣ открытаго письма Клемансо, былъ расклеенъ по всему Парижу. „Для насъ,—говорится въ этомъ письмѣ,—государство является обыкновеннымъ хозяиномъ. Между

¹⁾ «Законъ 1901 года,—сказалъ министръ Рувье на засѣданіи палаты 8 ноября 1905 г.,—предоставляетъ всѣмъ чиновникамъ свободу ассоціаціи».

²⁾ Максимъ Леруа, сопоставляя тексты законовъ и комментируя ихъ въ свѣтѣ современныхъ понятій, приходитъ къ тому заключенію, что чиновники, тѣмъ болѣе агенты *de gestion*, имѣютъ несомнѣнное право устраивать забастовки. (Maxime Leroy. *Les transformations de la puissance publique*, Paris, 1907, стр. 223—236). Бургенъ тоже распространяетъ стачечное право на чиновниковъ *de gestion*.

нами и имъ долженъ существовать простой обмѣнъ услугъ—и ничего больше. Онъ даетъ намъ заработную плату, мы продаемъ ему нашъ трудъ, но мы желаемъ сохранить нашу свободу, нашу независимость, оставаться господами нашей рабочей силы, нашей единственной собственности“. Указавъ еще разъ, что, добиваясь для себя синдикальнаго права, административный пролетаріатъ стремится ввести болѣе рациональную и болѣе совершенную организацію общественныхъ учреждений и предпріятій, центральный комитетъ напоминаетъ Клемансо ту велестную аттестацію, которую онъ далъ о современномъ государствѣ¹⁾, и, пользуясь его же выраженіями, заканчиваетъ письмо слѣдующимъ образомъ: „Что касается насъ, труженниковъ, то мы будемъ бороться противъ „ненасытнаго молоха“, противъ „тиранническаго и кровожаднаго чудовища“. Мы будемъ бороться за право, являющееся существеннымъ атрибутомъ человѣческой личности“.

На это письмо, являющееся выраженіемъ мнѣнія, которое чиновники могутъ такъ же открыто высказывать, какъ всѣ граждане, правительство отвѣтило репрессіями. Произвольно выбравъ лишь нѣкоторыхъ изъ подписавшихся подъ нимъ и нисколько не считаясь съ тѣмъ, что подписи свои они дали, какъ представители многихъ тысячъ своихъ товарищей и по ихъ полномочію, министерство Клемансо передало дисциплинарному суду учителя Негра, почтальоновъ Гранжье и Симонне, и почтово-телеграфныхъ чиновниковъ Клавье, Амальрика, Килиси²⁾. Почтово-телеграфный дисциплинарный совѣтъ, въ которомъ выборные отъ служащихъ имѣются въ небольшомъ числѣ, призналъ наличность вины и приговорилъ подсудимыхъ къ лишенію мѣста. Но въ департаментскомъ совѣтѣ, который судилъ Негра, представители отъ учителей имѣются въ большемъ числѣ, и онъ оправдалъ его. Вопреки мнѣнію этого совѣта, сельскій префектъ постановилъ все же уволить Негра, и Брианъ, министръ народнаго просвѣщенія, утвердилъ его рѣшеніе.

¹⁾ Въ рѣчи, которую Клемансо произнесъ 17 ноября 1903 г. въ сенатѣ по вопросу о свободѣ обученія, онъ, возставая противъ школьной монополіи, далъ слѣдующую характеристику государства: «Государство, я знаю его. Оно имѣетъ долгую исторію, всю состоящую изъ убійствъ и крови. Всѣ преступленія, совершенныя въ мірѣ,—погромы, войны, клятвоотступничества, костры, казни, пытки,—все оправдывали интересами государства... Государство имѣетъ долгую исторію: она вся изъ крови». Надо сказать, что слова эти являются наиболѣе сильнымъ и наиболѣе дерзкимъ мѣстомъ въ письмѣ Центрального комитета. Понятно, что при чтеніи этого письма въ палатѣ депутатовъ, когда Брианъ дошелъ до этого мѣста, начались протесты: Да вѣдь это слова Клемансо! Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ находчивый министръ,—но онъ ихъ сказалъ тогда, когда онъ не былъ чиновникомъ! Самъ же Клемансо предпочелъ молчать.

²⁾ Одновременно съ этимъ, правительство арестовало и передало суду нѣсколькихъ видныхъ дѣятелей Конфедераціи Труда и возбудило процессъ противъ антимилитаристовъ.

Все это было сдѣлано во время пасхальныхъ каникулъ, въ концѣ апрѣля 1907 г. Скоро послѣ этого собралась палата, и тамъ произошли долгіе, длившіеся цѣлую недѣлю, дебаты объ общей политикѣ правительства и, главнымъ образомъ, объ его отношеніи къ синдикальному движенію чиновниковъ. Правительство защищало себя всѣми тѣми аргументами, которые до сихъ поръ проводились противъ чиновничьихъ синдикатовъ, и палата, большинствомъ 343 голосовъ противъ 219, одобрила его. Прибавимъ, что Бріанъ въ своей рѣчи заявилъ о рѣшеніи правительства продолжать ту же политику. Синдикалисты - чиновники, въ свою очередь, тоже не сложили оружія и продолжаютъ борьбу.

Я изложилъ исторію движенія административнаго пролетаріата до послѣднихъ дней. Мнѣ остается сдѣлать лишь еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

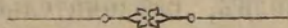
Въ современномъ административномъ строѣ Франціи, какъ и во всемъ буржуазно-капиталистическомъ строѣ, работа и управленіе раздѣлены и до известной степени противоположны другъ другу: одна производится внизу, другое сходитъ сверху въ какомъ-то ореолѣ величія, съ неизмѣннымъ презрѣніемъ къ тѣмъ, которые копошатся внизу. Но снизу, въ администраціи, какъ и въ промышленности поднимаются ассоціаціи и синдкаты, общее стремленіе которыхъ сблизить работу и управленіе, соединить, совмѣстить ихъ въ одномъ организмѣ. Профессиональное движеніе административнаго пролетаріата вполнѣ, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ профессиональному движенію пролетаріата промышленнаго. Одно и другое составляютъ явленія, необходимыя и неизбѣжныя. Вполнѣ поэтому естественна ихъ тенденція слиться въ одно теченіе. Подъ напоромъ дѣйствительности государство уже согласно сдѣлать известныя уступки движенію административнаго пролетаріата, но оно желаетъ втиснуть его въ рамки ассоціацій особаго типа и тѣмъ изолировать его. Если оно и успѣетъ въ этомъ, то только на время и создавъ такъ сказать еще одну фикцію: внѣшне отличныя отъ синдикатовъ, ассоціаціи административнаго пролетаріата, уже проникнутыя синдикальнымъ духомъ, будутъ проникаться имъ все больше и больше. И какое бы имя они ни носили, онѣ будутъ систематически совершать свое одновременно разрушительное и созидательное дѣло, разрушая бюрократическую іерархію, дисциплину произвола и гнета, поглощая центральную власть и организуя администрацію на демократическихъ началахъ, дѣлая ее дѣйствительно общественной и приноравливая ее къ интересамъ большинства населенія.

Но, возражаютъ на это, не станутъ ли чиновничьи синдкаты чѣмъ-то вродѣ дореволюціонныхъ корпорацій, привилегированныхъ по существу и по духу? Напрасныя опасенія: для этого колесо исторіи должно было бы повернуться обратно. Нынѣ профессиональные союзы, въ противоположность

государству, защищающему частныя привилегіи, выражаютъ, какъ то замѣчаетъ Поль Луи, „стремленія коллективности“ 1). Сама ихъ универсальность является въ этомъ отношеніи достаточной гарантіей. И чиновничьи синдикаты не поддерживаютъ, а вытравляютъ кастовый духъ изъ чиновничьей среды и отстаивать какія-либо привилегіи они не могутъ уже по одному тому, что обвиняютъ они пролетарскіе элементы администраціи, у которыхъ никакихъ привилегій нѣтъ.

Пока что синдикализмъ распространялся, главнымъ образомъ, среди государственныхъ служащихъ, на обязанности которыхъ не лежитъ непосредственная защита современнаго порядка, какъ почталыоны, почтово-телеграфные чиновники, учителя, больничные, ломбардные служащіе и т. д. Но вольѣ возможно, чтобы онъ распространился и на рабочую силу тѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя служатъ, такъ сказать, крѣпостными стѣнами буржуазнаго государства. Капиталистическій строй будетъ тогда атакованъ въ самой своей политической организаціи. Власть, по справедливому выраженію Максима Леруа, будетъ тогда состоять изъ „корпорациі офицеровъ безъ войскъ“ 2). И это не только можно, но и должно предвидѣть за теперешнимъ движеніемъ административнаго пролетаріата.

Л. Борисовичъ.

1) Paul Louis: Le fait syndical, Revue Bleue, 4 mai 1907.

2) Maxime Leroy: Les transformations de la puissance publique, стр. 264.

